

Алишер Навои

СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ

перевод В. Державина

О Низами и о Хосрове Дехлеви

Он — царь поэтов — милостью творца
Жемчужина Ганджийского венца.

Он — благородства несравненный перл,
Он в море мыслей совершенный перл.

Его саманной комнаты покой
Благоухает мускусной волной.

Подобен келье сердца бедный кров,
Но он вместил величье двух миров.

Светильник той мечети — небосвод,
Там солнце свет неистощимый льет.

Дверная ниша комнаты его —
Вход в Каабу, где дышит божество.

Сокровищами памяти велик
Хранитель тайн — учителя язык.

Хамсу пятью казнами назови,
Когда ее измерил Ганджави.

Там было небо чашей весовой,
А гирею батманной — шар земной.

А всю казну, которой счета нет,
Не взвесить и не счесть за триста лет.

Он мысли на престоле красоты
Явил в словах, что как алмаз чисты.

Так он слова низал, что не людьми,
А небом был он назван: «Низами».

И «Да святится...» как о нем сказать,

Коль в нем самом и свет и благодать?

Хоть пятибуквен слова властелин,
Но по числу — он: тысяча один!

От бога имя это рождено!
А свойств у бога — тысяча одно.

«Алиф» начало имени творца,
Другие буквы — блеск его венца.

Шейх Низами — он перлами словес
Наполнил мир и сундуки небес.

Когда он блеск давал словам своим,
Слова вселенной меркли перед ним.

После него Индийский всадник был
В звенящей сбруе воин полный сил.

С его калама сыпался огонь,
Как пламя был его крылатый конь.

К каким бы ни стремился рубежам,
Шум и смятенье поселялось там.

И в крае том, где мудрый строй царил,
Он сотни душ высоких полонил.

Его с индийским я сравню царем, —
Ведь Хинд прославил он своим пером.

Все пять его волшебных повестей
Живут, как пять индийских областей.

А Шейх Ганджи собрал, как властный шах,
Казну — неистощимую в веках.

Стал от него Ганджийский край богат,
Он был не только шах, но и Фархад.

Путь прорубал он, гору бед круша...
Гора — поэзия, а речь — тиша.

Душа его, как огненная печь,
И току слез печали не истечь.

Он сходит — пир свечою озарить,
Пирующих сердца испепелить.

Когда знамена над Ганджой развил,
Он, как державу, речь объединил.

В те страны, что открыл он в мире слов,
Вослед повел полки Амир Хосров.

От старого ганджийского вина
Душа делийца навсегда пьяна.

Где б Низами шатер ни разбивал,
Потом делиец там же пировал.

С «Сокровищницей тайн» ганджиец был,
Делиец — с «Восхождением светил».

Ганджиец новым нас пленил стихом,
Делиец следовал ему во всем.

Все, что потом им подражать пошли,
К ограде сада мусор принесли.

Единственный лишь равен тем двоим,
Который, как они — неповторим.

Об Абдурахмане Джами

Он, как звезда полярная в пути,
К Познанию призван избранных вести.

Он клады перлов истины открыл,
В зеркале сердца тайну отразил.

С семи небес совлек он тьму завес,
Разбил шатер поверх семи небес.

Он обитает в медресе своей,
Вкушая мир среди истинных друзей.

Его цветник — высокий небосвод,
Он пьет из водоема вечных вод.

Как небо несказанное, высок
Его словоукрашенный чертог.

Там ангелы крылатые парят,
Чертог его от нечисти хранят.

Под сводом худжры, где живет мой пир,
Скажи: — не мир блистает, а Сверхмир.

Дервишеской одеждою своею
Он затмевает блеск земных царей.

Душа его есть плоть и естество,
Хоть пышно одеяние его.

От лицемерия освобожден,
Лохмотьев странничьих не носит он.

Невидимое, скрытое от нас,
Он видит, совершая свой намаз.

Его походка — молнии полет
Летящий изумляет небосвод.

Перелистав страницы мира, он
Соткал, как облак, занавес времен.

Из крови сердца, а не из чернил
Соткал он занавес — и тайну скрыл.

В его чернильнице сгустилась тьма,
Но в ней — вода живая — свет ума.

Кто из его чернильницы возьмет
Хоть каплю, тот бессмертье обретет.

Стихом он все иклимы покорил,
А прозой новый мир сердцам открыл.

Им пленены дервиши и цари,
Ему верны дервиши и цари.

Но преданности в круге бытия
Столь твердой нет, как преданность моя!

Хоть солнцем вся земля озарена,
В нем и пылинка малая видна.

Один — средь певчих птиц в тени ветвей,

Шах соловей над розою своей.

Прочесть мне было прежде всех дано
Все, что ни создал мудрый Мавлоно.

Так солнце озарит вершины гор
Пред тем, как осветить земной простор.

Так видит разгадку, к свету бытия
Раскрыв бутон: шипы — ее друзья.

Мне помнится одна беседа с ним:
Был наших мыслей круг необозрим.

И вот — в потоке сокровенных слов —
Возникли Низами и Мир Хосров.

Две «Пятерицы» создали они,
Тревожащие мир и в наши дни.

Но среди этих дивных десяти
Ты первых два дастана предпочти.

Что ты в «Сокровищнице тайн» открыл,
Найдешь и в «Восхождении светил».

И остальные все дастаны их
Прекрасны; в них — глубины тайн живых.

«Сокровищница тайн»... в ней глубина,
Где вечных перлов россыпь рождена.

И отблеск «Восхождения светил»
Нам Истины завесу приоткрыл.

Коль слово жаром Истины горит,
Оно и камень в воду превратит.

Но если слово правды лишено,
Для перлов нитью станет ли оно?

А если нить надежна и прочна,
Вез жемчуга какая ей цена?

И дни прошли после беседы с ним.
Я счастье стало вожаком моим.

Вновь навестил я пира моего
И вижу рукопись в руках его.

Он оказал мне честь, велел мне сесть,
Дал мне свой «Дар», как радостную весть.

Сказал: «Возьми, за трудность не сочти,
Сначала до конца мой труд прочти!»

А я — я душу сам ему принес,
Взял в руки «Дар», не отирая слез.

«Дар чистых сердцем» тут же прочитал,
Как будто чистый жемчуг подбирал.

То — третий был дастан; хоть меньше в нем
Стихов, но больше пользы мы найдем.

В нем скрыто содержание первых двух,
Но есть в нем все, чтоб радовался дух.

И, потрясенный, сердце я раскрыл,
Его творенье в сердце поместил.

И, завершив прочтенье песни сей,
Желанье ощутил в душе своей,

Желанье вслед великим трем идти —
Хоть шага три пройти по их пути.

Решил: писали на фарси они,
А ты на тюркском языке начни!

Хоть на фарси их подвиг был велик,
Но пусть и тюркский славится язык.

Пусть первым двум хвалой века гремят,
Но тюрки и меня благословят.

Коль сути первых двух мне свет открыт,
То будет третий мне и вождь и щит.

Когда я к цели бодро устремлюсь,
Когда с надеждой за калам возьмусь,

Я верю — мне поможет Низами,
Меня Хосров поддержит и Джами.

Тогда смелее к цели, Навои!
И пусть молчат хулители твои.

Порой бедняк, к эмиру взятый в дом,
Эмиром сам становится потом.

Ведь мускус родствен коже; а рубин
Из горных добыт каменных глубин.

Сад четырех стихий — усладный хмель;
Ограда сада — бедная скудель.

Отрадны пламя, воздух и вода,
Земля же — их основа навсегда.

Красив цветочный дорогой базар,
Но рядом есть и дровяной базар.

Пусть у тебя одежд атласных тьма,
Но ведь нужна для дома и кошма.

В цене высокой жемчуг южных вод,
Солому же один янтарь влечет.

Царь выпьет чистый сок лозы златой,
Пьянчужка рэнд потом допьет отстой.

Я псом себя смиренным ощутил —
И вслед великим двинуться решил.

Куда б ни шли, и в степь небытия,
Везде, как тень, пойду за ними я.

Пусть в подземелье скроются глухом,
За ними я пойду — их верным псом.

Глава XIV

О слове

Я славлю жемчуг слова! Ведь оно
Жемчужицею сердца рождено.

Четыре перла мироздания — в нем,
Всех звезд семи небес блистанье — в нем.

Цветы раскрылись тысячами чаш
В саду, где жил он — прародитель наш.

Но роз благоуханных тайники
Еще не развернули лепестки.

И ветер слова хлынул с древних гор
И роз цветущих развернул ковер.

Два признака у розы видишь ты:
Шипы и благовонные цветы.

Тех признаков значение — «Каф» и «Нун»,
То есть: «Твори!» Иль как мы скажем «Кун!».

И все, что здесь вольно иль не вольно,
От этих букв живых порождено.

И сонмища людей произошли
И населили все круги земли.

Как слову жизни я хвалу скажу,
Коль я из слов хвалу ему сложу.

Ведь слово — дух, что в звуке воплощен,
Тот словом жив, кто духом облачен.

Оно — бесценный лал в ларцах — сердцах,
Оно — редчайший перл в ларцах — устах.

С булатным ты язык сравнил клинком,
С алмазным слово я сравню сверлом.

Речь — лепесток тюльпана в цветнике,
Слова же — капли рос на лепестке.

Ведь словом исторгается душа,
Но словом очищается душа.

Исус умерших словом воскрешал —
И мир его «Дающим Жизнь» назвал.

Царь злое слово изронил сплеча,
Так пусть не обвиняют палача.

По слову в пламя бросился Халил

И бремя слова тащит Джабраил.

Бог человека словом одарил.
Сокровищницу тайн в него вложил.

Не попади душой кумиру в плен,
Чей рот молчанием запечатлен.

Она прекрасна, уст ее рубин
Твой ум пьянит сильнее старых вин.

Но пусть она блистает, как луна,
Что в ней — всегда безмолвной, как стена?

Ты, верно, не сравнишь ее с иной,
Не спорящей с небесною луной.

Пусть не лукавит взглядом без конца,
Пусть не пронзает стрелами сердца.

Пусть даже внешне кажется простой
И пусть не ослепляет красотой.

Но если дан ей ум, словесный дар,
То он сильнее самых сильных чар.

Она упреком душу опьянит,
Посулом смуту в сердце породит.

И пусть обман таят ее слова,
Но как от них кружится голова!

И видишь ты, что все ее черты
Полны необычайной красоты.

Как устоишь перед таким огнем,
Хоть ты сгораешь, умираешь в нем?

А коль она прекрасна, как луна,
И в речи совершенна и умна,

Коль, наряду с природной красотой,
Владеет всею мудростью земной,

Она не только весь Адамов род,
Но, коль захочет — целый мир сожжет.

Такой красе, сжигающей сердца,
В подлунной нет достойного венца,

Когда певец прославленный средь нас
Ведет напев под звонкострунный саз,

То как бы сладко он ни пел без слов,
Нам это надоест в конце концов;

Мелодия любая утомит,
Когда мутриб играет и молчит.

Но если струны тронет он свои
И запоеет газели Навои,

Как будет музыка его жива,
Каким огнем наполнятся слова!

И гости той заветной майханы
Зарукопещут, радостью полны,

И разорвут воротники одежд,
Исполнены восторга и надежд.

Что жемчуг, если слово нам дано?
Оно в глубинах мира рождено!

Пусть слова мощь сильна в простых речах,
Она учетверяется в стихах.

Стих — это слово! Даже ложь верна,
Когда в правдивый стих воплощена.

Ценнее зубы перлов дорогих;
Когда ж разрушатся — кто ценит их?

В садах лелеемые деревья
Идут в нагорных чащах на дрова.

Речь обыденная претит порой,
Но радуется созвучной речи строй.

Когда дыханье людям дал творец,
Он каждому назначил свой венец.

Шах, рацветая розой поутру,
Главенствует в суде и на пиру.

И каждый место пусть свое займет,
Тогда во всем согласие пойдет.

Царь должен за порядком сам смотреть,
И не дозволено ему пьянеть.

Не должен бек с рабами в спор вступать,
Строй благолепный пира нарушать.

Фигуры, бывшие в твоей руке,
Рассыпались на шахматной доске.

И кто-то из играющих двоих
В порядке, по две в ряд, расставит их.

Встают ряды и стройны и крепки —
В двух песнях две начальные строки.

Но силы их пока затаены,
Меж ними есть и кони и слоны.

Коль у тебя рассеян ум и взгляд,
Твой шах и от коня получит мат.

Столепестковой розою цветет
Тетрадь, чей шит любовно переплет;

Но вырви нить, которой он прошит, —
Лист за листом по ветру улетит.

Так участь прозы — с ветром улетать,
Поэзии же — цветником блистать.

Удел ее поистине велик —
Она цветет в предвечной Книге Книг.

Ее одежда может быть любой,
А суть в ней — содержанье, смысл живой.

Не ценится газель, хоть и звучна,
Когда она значенья лишена.

Но смысл поэма выскажет сильней,
Когда прекрасен внешний строй у ней.

О боже, дай мне, бедному, в удел,

Чтоб я искусством слова овладел!

Глава XXVI

Третья беседа.

О султанах

О ты, кому, как небу, власть дана.
Ты, чьи литавры — солнце и луна.

Ты волен в зле сегодня и в добре,
И солнце всей страны — в твоём шатре.

Венец твой вознесен главой твоей,
Престол твой утверждён стопой твоей.

И звезды неба — горы серебра
Для твоего монетного двора.

Твой трон, пред коим падают цари,
Благословляет хутбой Муштари.

Запечатлен твой перстень на луне,
Твой, светлый щит, как солнце по весне.

Ты — мудрый Сулейман в юдоли сей;
Хума парит над головой твоей.

Ты правишь там, где правил древний Джем.
Златой фиал идет твоим перстам.

Но ты на перстне надпись не забудь,
Что «В справедливости — к спасенью путь»!

Молясь, аят корана повторяй:
«Правитель, справедливо управляй!»

Ты помни, что судья в твоих делах —
Сам возвеличивший тебя аллах.

Могучих он к ногам твоим поверг,
И чуждый блеск перед тобой померк.

Склоняется перед тобой народ,
Покорно он твоих велений ждет.

Творец миров, владыка звездных сил,
Людей твоей деснице подчинил.

Но сам пред ним ты немощен и слаб,
Ты сам — его творение и раб.

Как все, ты — прах и обречен земле.
Как все, ты — сгусток тьмы, не свет во мгле.

Своим рабам подобен ты во всем —
По внешности и в существе своем.

Но красотой речи и умом,
Но совершенством в мастерстве любом,

Упорством каждодневного труда,
И честностью — со всеми и всегда;

Но преданностью богу твоему
И полным подчинением ему

Ты уступаешь — не мужам святым,
А самым низким подданным своим.

Но все ж калам судьбы предначертал,
Чтоб ты султаном в этом мире стал.

Неизреченный дал тебе печать,
И жезл, и власть — людьми повелевать.

Ты каплей был. Но в море превратил
Тебя живой Источник Вечных Сил.

И в этом — воля, власть и мощь творца;
А божью власть приемлют все сердца.

По жребию ли тайному,— одно
Такое счастье здесь тебе дано,—

Ты знай: вершина мудрости земной
В искусстве управления страной.

Пусть для народа шах добро творит,
И за добро творца благодарит.

Установи закон добра, взамен
Насилия,— «И будешь ты блажен!»

Да, здесь ты — царь, но царь на краткий срок...
«Так осчастливь людей!» — сказал пророк.

Божественных велений череда
Несметна. Друг народу — будь всегда!

Народ — твой сад. Будь мудрым, Садовод!
Будь, пастырь, добрым! Стадо — твой народ.

Пастух задремлет — волки нападут,
Урон великий стаду нанесут.

Забросишь сад — засохнут деревья
И пригодятся только на дрова.

Благоустраивай и орошай
Свой сад! Волков от стада отгоняй!

За то, что стадо защитишь и сад,
Награда — урожай, приплод ягнят.

А коль сады загубишь и стада,
Придут к тебе тревога и беда.

Умрешь, перед судом предстанешь ты...
Что ты ответишь? В бездну канешь ты.

Открой глаза и правдой озарись!
Всю жизнь на благо подданных трудись!

Ты благоденствуешь, а твой народ
В невыносимых бедствиях живет.

Но труженик, и в бездне нищеты,
Духовно выше степенью, чем ты.

Предстанут пред владыкою времен
Тот, кто гнетет, и тот, кто угнетен.

Награду угнетенный обретет,
А на тебя проклятие падет.

Язык того, кого ты угнетал,
Тебе вонзится в сердце, как кинжал.

И перед бездной содрогнешься ты,

Как стебель, от стыда согнешься ты.

Ты счастлив ныне, но идешь во мрак.
В Эдем пойдут гонимый и бедняк.

Когда же все грехи твои сочтут,
Тебя стократным мукам предадут.

И не поможет бог беде твоей,—
Предвечный бог — не сборщик податей.

Иглу у нищих силою возьмешь —
Знай: та игла тебя пронзит, как нож.

Спеши, утешь обиженных тобой!
Не то — соришь в геенне огневой.

За всех, кого колючкой ранишь тут,
Тебе стократно в бездне воздадут.

И будет пламень вокруг тебя жесток
За тех, кого хоть искрой ты обжег.

Отнимешь нить у нищих, эта нить
Удавом вырастет — тебя душить.

Ты властен. Над тобою — никого.
Но ты — палач народа твоего.

Насильник обездоленных людей,
Насильник ты и для души своей.

Взгляни: ты в скверне по уши погряз!
Беги, пока твой разум не погас,

Уйди от зла, добром наполни мир!
А ты, восстав от сна, бежишь на пир.

Подобен раю, светел и высок
Для пиршества украшенный чертог.

Но в киноварной росписи его
Алеет кровь народа твоего.

Завеса, чья неслыханна цена,
Не из парчи — из жизней соткана.

Украшен жемчугами твой шатер,—
Ты у народа отнял их, как вор!

Чтоб яшму взять для арки и стены,
Гробницы древние разорены.

Вот на пиру садишься ты на трон.
Фиал вином шипучим опенен.

Там кравчие снуют — полны красы,
Вельможи льнут к ногам твоим, как псы.

Чтоб жажду утолить, шербет, вино —
В стократном им количестве дано.

Там речи — пустословие одно,
Их верным слушать стыдно и грешно.

Там сквернословья слышен пьяный хор,
Там непотребства оскорбляют взор.

Покамест день сияет над землей,
На сборище разгульном чин такой.

Когда ж звезда вечерняя блеснет
И ночь страницу дня перечеркнет,

Зажгутся свечи, но бесчинство то ж
Идет и у тебя, и у вельмож.

Свеча, пылая, плачет над тобой,
И, падая, рыдает кубок твой.

«Дай денег!» — казначею ты кричишь
И, как петух охрипый, голосишь.

Так целый день в тени твоих палат
Царят разгул, и скверна, и разврат.

Забыв завет пророка! От вина
Толпа твоих гостей пьяным-пьяна.

Хоть каждый тигра злобного лютей,
Но все покорны власти пса страстей.

Корыстью низкой души их горят,
Они давно презрели шариат.

Не дрогнут изнасиловать, растлить,
Чтоб низменную похоть утолить.

Когда же утро землю озарит,
Чертог царя являет гнусный вид:

Как будто рать в сраженье полегла,
Распластаны упившихся тела.

Уже намаз полуденный вершат,
А в замке царь, вельможи, войско спят.

Едва проснутся, бросятся опять
Последнее у нищих отбирать.

Все взыщут, не оставят ни зерна:
Мол, пополненья требует казна!

Казну пополняют, а ночной порой
Опять — и шум, и гам, и пир горой.

Когда бесчинству царь дает пример,
Бесчинствуют вельможа и нукер.

Вот так проходят ночи их и дни;
О будущем не думают они.

Пророка и халифов четверых —
Ты вспомни, заступивший место их!

Где у тебя закон? Где правый суд?
К чему твои поступки приведут?

По воле бога ты султаном стал —
А ты народ измучил, обобрал!

Молитва, пост завещаны тебе,
А ты привык к веселью и гульбе.

В самозабвенья дни твои пройдут...
Опомнись! Вспомни: грянет грозный суд!

И ужас смерти обоймет тебя;
Никто в ту пору не спасет тебя.

Не шахом, жалким прахом станешь ты.

Как из пучины зла воспрянешь ты?

Когда ты жизни грань перешагнешь,
Ты знай, что там пощады не найдешь.

Раскайся, справедливость прояви,
Себя для жизни вечной оживи!

Твое насилье, низость и разврат
Земле и небу вечному претят.

Раскайся же отныне навсегда!
Трудись! Страшись грядущего суда!

Хоть никакой не волен человек
Не совершить греха за долгий век,

Хоть совершенства полон только тот,
Кто создал мир и многозвездный свод,

Но ты, порой невольно оступясь,
Раскайся, о прощении молясь.

И коль невольно утеснил людей,
Воздай им тут же милостью своей.

И должен ты, как свет во тьме, светить,
Все души справедливостью пленить.

Как солнце, луч над миром простирай,
И подданным своим любовь являй!

Ту доблесть, что жила в былых царях,
Хранит один победоносный шах!

Глава XXVIII

Четвертая беседа О лицемерных шейхах

Эй ты, обманщик, дармоед в хырке,
Чей крик с утра мне слышен вдалеке!

Эй, лицемер, на рубище своем
Заплаты нашивающий кругом!

Не деньги ли под множеством заплат
Ты прячешь, как в народе говорят?

По тем заплатам нитка лжи прошла,
Твоя игла — из уса духа зла.

Заплаты он кладет на небосвод,
С планетами игру свою ведет.

Зарозовеет утренний туман,
Но это утро — призрак и обман.

Пускай у шейха велика чалма,
Но под чалмой — ни света, ни ума.

Взгляни на посох шейха и скажи:
— Сей посох — столп опорный дома лжи!

А четки подобрал он из кусков
С порога у ваятеля божков.

Сосуд греха — их камень головной,
А нить — зуннара шнур волосяной.

Подошвы деревянные его
Стучат, к соблазну города всего.

Но он восходит на минбар святой,
Тряся своей козлиной бородой.

Пусть он козел, не страшен он ворам.
Хоть и козел он — а ворует сам.

Козел почтенный, если мудр и стар,
Становится водителем отар.

Не так ли шейх хвастливый, как козел,
Доверчивых ведет долиной зол?

Взгляни, как зорко, сам идя вперед,
Козел стада на пастбища ведет...

А шейх, тряся козлиной бородой,
Ведет людей к геенне огневой!

Заблудших он ведет, на свет маня;
Но это отблеск адского огня.

Прибежище, где царствует разврат,
Зовется: «Храм», «Молельня», «Харабат».

Там шейх циновку стелет. Смысл ее,
По начертанью слова — «бу-рйё».

В мечети их столбы, изгиб стены —
Отвращены от южной стороны.

Из храма гебров — створы их дверей,
Михраб их — дуги женственных бровей.

Шейх этим грешным молится бровям,
Ему шайтан подсказывает сам.

И, полн доверья, слушает народ
Невежественный — все, что он поет.

А шейх сгибает спину, словно «Нун»,
Сидит в углу, как набожный Зуннун.

Средь истинных суфиев — первый он.
Его решения для них закон.

И он своей пустою болтовней
Увлечь людей умеет за собой.

Одним внушает: — В угол сядь, молись! —
Другим внушает: — В горы удались!

Он шлет на мученичество одних
И тешит небылицами других.

Умеющий обманывать народ,
Он выдумку за правду выдает.

Себя обманывает... Для него
Нет друга, кроме Хызра самого.

Он в тряпке банг упрятал; и она
От цвета банга стала зелена.

Не потому ль кричат: «Вот Хызр идет!» —
Что зеленью тряпье его цветет?

Такой он — этот шейх! Его душа

Всецело в обаянье гашиша.

В ночи, дурманом банга обуян,
Он видит под собой звезду Кейван.

И кажется ему, что он достиг
Вершин познания — и, как бог, велик.

Услышать най бродяги — все равно
Что выпить вечной истины вино.

И чем приятней песня, чем звучней,
Тем громче сам он подпевает ей.

Он топает не в лад, ревет, как слон,
Не понимая — как ничтожен он.

И, по примеру шейха своего,
Суфии кружатся вокруг него.

Несутся вихри ликов неземных
В расстроенном воображенье их.

И все они, как их беспутный пир,
И пляска, что ни день, у них, и пир.

В самозабвенье кружатся они;
Ты их с ночною мошкаррой сравни —

В самозабвении, в глухой ночи
Кружащейся вокруг твоей свечи.

Круженье, вопли тех, «мужей святых»,
Их исступленье, обмороки их

У них зовутся «поиском пути»,
Дабы «в забвенье истину найти».

Но в них пылает пламя адской лжи.
Ты с их ученьем, верный, не дружи.

Они всю ночь не устают плясать, —
Да так, что поутру не могут встать.

Но вожделье в них одно и то ж:
Привлечь к себе внимание вельмож,

Чтоб сам вазир верховный поглядел —
Насколько в «Вере» круг их преуспел,

И убедился в набожности их,
И счел бы их за подлинно свярых;

И всех бы их от бедствий защитил
И щедрою рукой обогатил;

Чтоб щит страны — султан великий сам,
Молясь о них, к предвечным пал стопам,

Чтоб шейха лицемерного того
Возвысил, стал мюридом у него;

Чтоб для него казну он расточил,
Чтоб землю шейх в подарок получил.

А ты на ненасытность их взгляни,
Когда обогатятся все они.

Увидишь: суть их — низменная страсть:
Разбогатеть; а там — пускай пропасть.

Вот для чего им хитрость и обман:
Их цель — богатство, власть, высокий сан.

Так пусть о них всю правду знает свет:
Обманщиков подлее в мире нет!

Их внешность благовидна и свята,
Но души их — отхожие места.

Любой из них — пристрастный низкий раб:
Любой из них пред нечистью ослаб.

Снаружи — перья ангелов блестят,
Внутри их — дивы и бездонный ад.

Пусть веет мускусом от их рубах,
Но в их сердцах смятение и страх.

Динар фальшивый позлащен извне,
Но золото очистится в огне.

Ну, а для этих, правду говоря,
Огонь гееннский раздувают зря.

Никто бы вечно жить в огне не мог,
От них же сам огонь бы изнемог.

Людей различных порождает мир:
Святыня этим — кыбла, тем — Кумир.

Сожженья недостойные, они,
Не веря в жизнь, проводят жизнь одни...

Свет истины! Дорогу освети,
И мир, и жизнь, и душу возврати

Тем искренним, чей путь прямой суров,
Отрекшимся от блага двух миров,

Труждающимся, страждущим в тиши,
Чтоб не погас живой огонь души;

Тем, что в огне сожгли свою хырку
И не злоумышляли на веку;

Которым ни мечеть, ни майхана,
Ни Кааба святая не нужна!

Все ведают они! Но в их глазах
Вселенная — соломинка и прах.

Настанет день — и мирозданья сень
В небытии исчезнет, словно тень.

Им эта мысль сердца не тяготит,
Живая мысль их зеркалом блестит.

В том зеркале горит желанье их,
Любимой лик — и с ней слиянье их.

Той мысли земнородным не вместить,
Лишь грань той мысли в сердце может жить.

И в каждой грани — вечно молодой
Лик отражен красавицы одной.

И ты в какую грань ни бросишь взгляд,
Везде глаза волшебные глядят.

Везде глаза прекрасные того,

Кто смысл и суть живущего всего.

И те, кто видел это, лишь они —
Суфии подлинные в наши дни.

Они несут свой путеводный свет,
Всем заблудившимся в долине бед.

Они, как Хызр, отставшего найдут
В пустыне и к кочевью приведут.

По зоркости вниманья своего
Они — как братья Хызра самого.

Под их дыханьем даже Хызр святой
Нам кажется зеленою травой.

Источник вечной жизни Хызр найдет
В слезах, что по ланитам их течет.

Пыль их сандалий зренье исцелит,
Их слово камень в золото превратит.

Пред гневом их бессилен небосвод.
И круг планет, что род людской гнетет.

В их цветнике всегда цветет весна,
Как два листка, там солнце и луна.

Они — в пути, и пот на лицах их
Непостижимее глубин морских.

Как многозначно содержанье слов
В благословенном строе их стихов!

Суфий сидит в углу — чуть виден сам,
А ходит по высоким небесам.

В иклинах мира их путей черта
От всякой ложной мудрости чиста.

На светлом том пути — ристанье их,
В делах и мыслях — состязанье их.

Их ночи жаркою мольбой полны,
Чтоб сонмы верных были спасены.

Путем пророка следуют они,
Его лишь волю ведают они.

Слезами веры путь свой орося,
Они идут — награды не прося.

Под бурей не сгибаются они,
В беде не содрогаются они.

Смиренны, без надежды на Эдем,
Лишь к истине стремятся сердцем всем.

Любовь их только к истине одной.
Нет во вселенной истины иной.

О ищущий жемчужину любви,
О ней к глубинам вечным воззови!

Глава XXX

Пятая беседа

О щедрости

О мудрый муж, от сердца щедрым будь,
И счет своих даяний позабуди!

Пусть из перстов твоих золотой поток
Дождем осыплет Запад и Восток!

Враждует серебро с рукой твоей;
Рассыпь его без счета, не жалеи!

Сыпь золото, как молнию, всегда,
Чтоб молния вспотела от стыда.

Корону голова твоя несет,
Краса венца — жемчужина щедрот.

Жемчужины твоей прославлен свет,
Как перламутр жемчужницы планет.

Чем больше здесь казна расточена,
Тем выше в небесах твоя цена.

Пусть вечно блещет, словно слово «барк»,
Твоя звезда, как «фар» над словом «фарк»!

Ты всюду знамя щедрости несешь,
Как гордый стяг «алифа» в слове «бош».

Ты сам — жемчугоносный океан,
В одной руке — Кулзум, в другой — Оман.

Ты раздаешь. Зато твоим перстам
Покорствуют Бармак и сам Хатам.

Родясь, ты принял гору серебра,
И щедрость, и желание добра.

И твой любой на теле волосок
Тобою восторгался б, если б мог.

Не будь скупым, просящего дари,
Но сам за все творца благодари.

Ведь щедрость — знак душевной красоты,
А жадность — знак душевной нищеты.

Ты щедр, от корня щедрых порожден.
Венец твой этим перлом озарен,

Но этот чистый перл не попирай
И разум жадностью не называй!

Кто щедр без меры — шум пойдет о нем;
И назовется щедрость мотовством.

Без всякой меры щедрость — наравне
Со скупостью — ущерб несет казне.

Так щедрость цену перлов низвела
К стекляшкам на ошейнике осла.

Такая всем нам заповедь дана:
У щедрости граница быть должна.

Ты богом в сан султана возведен,
Богатствами безмерно наделен.

Ты можешь сыпать горсти серебра,
Но только ради блага и добра.

А из тщеславья деньги раздавать,

Для хвастовства горстями их бросать

Грешно, постыдно! Это дар пустой;
И скупость лучше щедрости такой.

Ведь нужно пьяным быть, безумцем стать,
Чтобы богатство предков расточать.

Кто пьет за пиалой пиалу,
Тот погружает разум свой во мглу.

Наследье Сулеймана истребить
Способен див, вино привыкший пить.

Хоть посади на золотую цепь
Безумца — что ему любая крепь?

Сорвется он — не удержать его
Богатствами Каруна самого!

Но меру щедрости, любви, добра
Нельзя измерить мерой серебра.

Цветы тюльпана ветер оборвет,
Но кто же щедрым ветер назовет?

Аллах сказал в коране: «Пей! Вкушай!»
Но там же сказано: «Не расточай!»

Нет блага в расточенье. И народ
Щедротой мотовство не назовет.

Богатый дарит щедро. Но беда,
Когда не знает сам — кому? куда?

Ты на просящих зорко посмотри:
Тем, кто в нужде, — по их нужде дари.

А ты пресыщенному ставишь стол,
Даришь халат тем, кто и так не гол.

Ты посылаешь лучших скакунов
Владеющему сотней табунов.

Рубины посылаешь в Бадахшан,
Тмин посылаешь в тминовый Керман.

Водою жизни Хызра напоить,
Египет леденцами угостить —

Не все ль равно, что днем зажечь свечу:
Мол, солнцу я помочь светить хочу.

Ночь осypаeт мускус с темных крыл,
Чтоб дол земной благоуханным был.

Но тот, кто сытого на пир зовет,
Голодным же ни корки не дает,

Он с тучей схож, что льет поток воды
В горах, поля минуя и сады.

Пропойца жаждет лишь глотка вина,
Ему ж тобой и капля не дана.

Чума настала... Стон вокруг и плач.
Но деньги прячет в тайнике богач.

Есть в мире виды счастья и беды,
И щедрости душевной и нужды.

Не бедствует порода тех людей,
Что бедствуют от жадности своей.

Я проклиная жадных к серебру,
Что тянутся к народному добру!

О помощи они ли вопиют
Иль наглостью и силою берут,

Коль все удастся им с людей содрать,
Не жалко часть им сотую отдать.

Богач, бесчестно грабя свой народ,
Бесчестно и «дары» ему дает.

Всю жизнь он роет яму. Но кому?
Себе он роет яму самому.

О, стыд! — У беззащитных отнимать
И часть, корысти ради, раздавать!

От грабежа его — народу вред,
А от его раздачи пользы нет.

Не щедр, кто не уделит ничего,
Пока не молят помощи его.

Пусть люди стонут в пропасти нужды,
Он не придет спасать их из беды.

«Он — брат наш!» — прихлебатели кричат.
Но себялюбец — никому не брат.

Ты видел, как базарный чудодей
Бросает шарик в пасть индийских змей?

Свой яд факиру змеи отдают,
Но разве это щедростью зовут?

Тот, чей язык, как пламя, удлинен,
Кто щедростью своею восхищен,

Кто пред людьми своим величьем горд,
Тот, как алмаз, душой жесток и тверд.

Свеча же, ровно озаряя мрак,
Над строчкой ночи свой подъемлет стяг.

Есть у огня достоинство свое —
Железо плавит он, как мумиё.

Пускай заря прекрасна и ясна,
Краса лучами солнца ей дана.

Ты щедрыми людьми зови таких,
Что радуются радости других.

Кто сердцем щедр — богат иль беден он,—
Корысти низкой, зависти лишен.

Он, сострада, силы соберет
И гибнущих от бедствия спасет.

У океана капли не возьмет,
А свой бальзам страдальцам принесет.

И все, что принял сам, как благодать,
Нуждающимся он готов отдать.

«Что с вами?» — он не спросит никогда,

Сам видит он — где бедность и нужда!

Как нож разбойника — голодных стон;
И все, что есть при нем, отдаст им он;

Для них в горах добудет он рубин
И чистый жемчуг из морских глубин.

Бывает миг: дирхем в руке твоей
Мешка динаров золотых ценней.

Вот щедрый муж: богат иль не богат,
Но всем, что есть, помочь в беде он рад.

Не только деньги бедным он несет,
Скажи — он им всю душу отдает.

Он знает, что дарить добром сердца —
Веленье милосердного творца.

Здесь тайна скрыта: Милосердный сам
Творить добро велит его рукам.

Но тот, скажи, безумен или пьян,
Кто страстью расточенья обуян...

Казну свою, что ты собрал не сам,
Не раздавай, как лепестки ветрам!

Но и не будь скупым; динаров звон
Не прячь в мешок, как в розовый бутон.

Жемчужница, от жадности твоей,
Скрывает перлы в мантии своей.

Ночь поглотила солнца круг златой,
И лик земли покрылся темнотой.

Восходит солнце — и монеты звезд
Ссыпает утро в бездну тайных гнезд.

А осень сыплет щедрою рукой,
Как расточитель, золотой листвою.

Дракон, что на сокровище лежит,—
Поймет ли он, что кровью клад залит?

Когда Бахрам небес заносит меч,
Тому дракону клад не уберечь.

Восстанет небо на тебя с мечом,
Умрешь ты на сокровище своем.

Не зная — кем сражен, рукою чьей,
Омоешь ты лицо в крови своей.

Тогда на жизнь надежду сокруши,
Расставшийся с жемчужиной души.

Вставай же, дверь подвала раскрывай,
Казну свою страдающим раздай!

Зерно засыпал ты в амбар давно,
Истлеет втуне чистое зерно.

Раздай голодным! И взойдет щедрей
Посев на ниве мудрости твоей.

Хоть не посев — зерно, что раздаешь,—
Но все же, что посеял, то пожнешь.

Посей добро, и добрый урожай
Сторицею под осень собирай.

Друг, от корыстолюбья отрекись,
Как на посев, на щедрость положишься!

Умей отдать, далек от мысли брать.
И лучше уж не брать, чтобы отдать.

Глава XXXI

Рассказ о Хатаме Тайском

Спросил Хатама некий человек:
«О славный муж, я прожил долгий век,

Но кто же равного тебе найдет,
С тех пор, как ты простер ладонь щедрот»!

Ответил: «Я под сень шатров моих
Созвал однажды всех людей степных.

Чтоб изобильна трапеза была,
Барашков я зарезал без числа.

На том пиру мне душно стало вдруг.
Я вышел в степь, гостей покинув круг.

И на тропе глухой, среди песков,
Увидел старика с вязанкой дров.

Под этой тяжестью сгибался он,
Кряхтя, на посох опирался он.

Вся хижина телесная его
Шаталась от бремени того.

Так, что ни шаг, он тяжело вздыхал
И, останавливаясь, отдыхал.

Я был взволнован видом этих мук
И ласково сказал ему: О друг,

Твой непосилен груз! Тебя язвит
Колючек ноша, как гора обид,

Ты — житель степи — видно, не слышал,
Что здесь у вас Хатам с шатрами стал,

Что он, дабы в сердцах посеять мир,
Всех, злых и добрых, звать велел на пир?

Сбрось ты колючек ношу с плеч долой!
В цветник добра, на пир идем со мной!

Мое волнение увидал бедняк;
Он улыбнулся мне и молвил так:

«Цепями алчности окован ты,
На шее у тебя — петля тщеты.

На башню благородства никогда
Не вступишь ты — не знающий труда.

Поверь: мой тяжкий труд не тяжелей,
Чем иго благодарности твоей.

И лучше мне трудом дирхем добыть,
Чем от Хатама стадо получить!»

И не сказал в ответ я ничего,
Склонясь перед величием его».

О Навои! Будь сердцем щедр во всем,—
Да будет сам Хатам твоим рабом!

Дай чашу, Кравчий, щедро нам служи,
Пример Хатаму Тая покажи!

Мы бедны. Не на что купить вино,
Тебе лишь море щедрости дано!

Глава XXXVII

Рассказ о двух влюбленных

Слышал я: четырех улусов хан,
Эмир Тимур, великий Гураган,

Повел войска железною рукой,
И, в Хинд войдя, жестокий принял бой...

Там не было пощады никому,
Настала смерть живущему всему.

Шел некий воин — весь окровавлен,
И двух влюбленных бедных встретил он,

Готовых вместе молча смерть принять;
Им негде скрыться, некуда бежать.

Убийца воин обнажил свой меч,
Чтобы мужчине голову отсечь.

Но заслонила женщина его
И так молила воина того:

«Ты хочешь голову? — мою руби,
Но пощади его и не губи!»

Убийца воин повернулся к ней,
А друг ее вскричал: «Меня убей!»

И вновь убийца двинулся к нему,
И вновь предстала женщина ему.

Тот со стальными пальцами барлас
Разгневался: «Убью обоих вас!»

Занес он меч над жертвою своей,
А женщина кричит: «Меня убей!»

Мужчина же: «Меня убей сперва,
Чтоб лишний миг она была жива!»

Так спорили они наперебой,
Под меч его склоняясь головой.

Угрюмый воин медлил. Между тем
В толпе раздался крик: «Пощада всем!»

Спешил глашатай войску возвестить,
Что царь велел убийства прекратить.

За жертвенность, быть может, тех двоих
Рок пощадил оставшихся в живых.

О Навои, и ты любви своей
Пожертвуй всем, души не пожалей!

Дай чашу, Кравчий, если ты мне друг
И в чистой радости и в море мук.

Я задыхаюсь, мне исхода нет.
Врачуй! Исполни верности обет!

Глава XXXVIII

Девятая беседа О пламени любви

Когда прекрасный жизненный восход
Нас напоит вином своих щедрот,

Веленьем вечной мудрости дыша,
Как сад Ирема, расцветет душа.

Скажи: не сад, что насадил Ирем,
А гурий обиталище — Эдем.

Там птицы в яркой зелени ветвей
Рассказывают сотни повестей.

В чудесном том саду цветок любой
Сияет, блещет полною луной.

Там цвет необлетающий горит,
Как лепестки блистающих ланит.

Растет самшит вечнозеленый там,
Как стан прекрасный — юношески прям.

Там — завитки сунбула и лилей
Подобны кольцам мускусных кудрей.

А вертограда несказанный лик —
Не солнца ль ослепительный родник?

Прекрасен лик! И зной и влага в нем.
Схож подбородок с водным пузырем.

Нарциссы глаз берут сердца в полон,
Зовут уста — смеющийся бутон.

Листва в движенье, как лицо, живет,
На ней роса — благоуханный пот.

Подобной красоте сравненья нет,
Предела чувству изумленья нет.

Но сквозь нее провижу я черты
Непостижимой, высшей красоты,

Весною ранней в сень родных ветвей
Из-за морей вернулся соловей:

И розу новую он увидал
И, захлебнувшись страстью, зарыдал.

Все ярче блещет розовый цветок,
Как разгорающийся огонек.

Огонь горит в сердечной глубине,
А соловей сгорает в том огне.

Все глубже чары розы; все сильнее
Печаль певца, гремящего над ней...

Когда рассвет над миром засиял,
Так соловей защелкал, засвистал,

Такой он поднял звон, и гром, и крик,
Что зашумел, проснулся весь цветник.

Когда сторишь, поймешь ты, может быть,
Что значит быть любимым и любить.

Любовь смятенья смерч несет уму,
И чужд влюбленный существу всему.

А кудри несказанной красоты
Арканами крутыми завиты.

Живой огонь любви с пожаром схож;
Всю землю охватил его грабеж.

Огонь бушующий неукротим;
Все небо — дым и искры перед ним.

И пери с неба падают без сил,
Как мотыльки, спаливши перья крыл.

И разума чело омрачено,
Дыхание рыданьем стеснено.

Из-за любви, чья власть сильнее судьбы,
Черны одежды светлой Каабы.

Вином любовным Будда опьянен,
Прекрасный лик румянцем озарен.

Лист за листом — любовь коран сожгла,
В костер его подставку унесла;

Она святую веру в плен ведет,
Мечеть во власть неверным отдает.

На пса напяливает тайласан,
Где шит по шелку золотом тюльпан.

Она велит: «Святой Инжил читай,
Кумир гранитный Буддой почитай!»

Она в мечети продает вино,

В михраб молящимся несет вино.

Она огни, как розы в цветнике,
Ночами зажигает в погребке.

Сады не знают — как они цветут,
Кувшин не знает — что в него нальют.

Шипами роз душа уязвлена,
Опьянена дыханием вина.

Из-за любви пути ума темны,
Противоречий спутанных полны.

Невежество над знаньем восстает
И как безумца в даль степей зовет.

Огонь любви безумной... разум твой
Сгорает в нем соломинкой сухой.

А сердце! — как в печи плавильной, в нем
Любовь горит бушующим огнем.

Но сердце, где огонь любви возник,
Бесценно, как рубиновый рудник.

А если нет любви — зачем она,
Вселенная? Зачем и жизнь нужна?

Любовь — душа души, она чиста,
А без нее мертва и красота.

Любовь — волшебный камень. Шах времен
В невзрачную кочевницу влюблен.

Любовь — алмаз; а сердца твоего
Вместилище — шкатулка для него.

Ты сердце зодиаком назови,
Когда, как солнце, ярк свет любви...

Не солнце, а пылающий огонь,
Живой, всепожирающий огонь!

Телесный строй — надежный, словно дом,
Испепеляется ее огнем.

Страсть красота рождает. Так в ночи
Горит костер от огонька свечи.

Сколь ни желанна красотой своей
Любимая, огонь любви сильнее.

Так в горле соловья тоска звонка,
Что превосходит силу чар цветка.

Костер дымит, но ты его разрой —
И к небу вихрь взовьется огневой...

Когда огонь великий налетит,
Не только жизнь — он целый мир спалит.

Смягчается жестокий ум тогда,
Как в горне расплавляется руда.

Аскетов сонм смятеньем обуян,
Как вспыхнувший от молнии саман.

Та сила так сильна, что слон пред ней,
Как под ногой слоновьей — муравей.

Кто скажет: «Я влюблен!» — не верь ему.
Не каждый верен чувству своему.

Кто ищет только внешней красоты,
Томим тоской душевной пустоты.

В нем огонек и брезжит, может быть,—
Но на свече булат не размягчить.

В нем горя нет. Но так он лгать привык,
Что — как от горя — рвет свой воротник.

Его дела и видимость — обман;
Лицом он — ангел, а душой — шайтан.

Он — светоч верности; но посмотри —
Какую мерзость он таит внутри.

Он у любимой требует всего,
Дабы алчба насытилась его.

Великой жертвы требуя, он рад
Дождю им не заслуженных наград.

Святую плоть — благоуханней роз —
Он восхваляет — искренне, до слез.

Его письмо — украшен и цветист,
Но полон подлой ложью каждый лист.

Как фонаря волшебного стекло,
Он чист; а за стеклом — обман и зло.

Когда б подобный лжелюбленный мог
Мне встретиться — его б я вживе сжег!

Нет, истинно влюбленный — лишь такой,
Кто чист очами, речью и душой,

Сгорающий в огне сверхбытия
И, все познав, отрекшийся от «я».

Он боль скрывает, но поблекший лик
Лишь слезы омывают, как арык.

Он исхудал, как нитка, он больной;
Суставы, как узлы, на нитке той.

Он на плечах костлявых сто скорбей,
Влачит — вьюков верблюжьих тяжелей.

Как в слове «дард», согнулась буква «даль»,
Согбенный болью, он плетется вдаль;

И язв не счесть на теле у него,
Как звезд не счесть у неба самого.

Его порывистый горящий вздох
Рождает в небесах переполох.

Оборванные — в тысяче заплат —
Его рубаха и его халат.

Он однолюб и славы чужд земной,
Душой стремится он к любви одной.

Он, сердцем чужд навек иных забот,
Речений праздных не произнесет.

И, в изумленье, созерцает он

Одну, чьим взглядом дух его пронзен.

Взгляни: то не слеза — рубин горит
На желтизне его худых ланит.

Куда б ни глянул — вдаль иль в высоту,—
Везде одну он видит красоту.

Любуясь блеском образа того,
Себя он забывает самого.

Лишь искренне влюбленному дано
Блаженного познания вино.

Лишь тот самозабвенно опьянен,
Кто красотой вечной пленен.

Не будь отшельником, в миру живи,
Но не гаси в себе огня любви!

Пусть в том огне душа горит всегда,
Пусть тот огонь не гаснет никогда!

Быть может, здравомыслящих собор
Ему суровый выскажет укор.

Блаженства райские начнет сулить,
Чтоб жар безумья в сердце остудить.

И вот он их послушает... А там
Пойдет черед молитвам и постам.

Начнет он раны сердца врачевать,
Обломки стрел из плоти вырывать.

И птицу тела, словно западней,
Накроет он суфийскою хырккой.

Но в том затворе истомится он
И на свободу устремится он.

И садом, что цветеньем обуян,
На загородный выйдет он майдан.

Нарядных всадников увидит строй
За конным состязаньем иль игрой.

Увидит скачущую на коне
Красавицу, подобную весне.

Огнем вина пылает цвет ланит,
Султаном роза на чалме горит.

Сравни с пожаром эту красоту,
Или — с гранатной веткою в цвету.

Как страж индийский — родинка у ней,
Глаза бездонной пропасти черней.

А брови — словно лунных два серпа;
Увидев их, теряет ум толпа.

То два убийцы — скажешь ты — сошлись,
На злое дело вместе собрались.

А над бровями родинки пятно —
Над буквой «нун» укропное зерно.

Спадают кудри черною волной,
Подобные кольчуге боевой.

А уши — тюркский воин на коне
Красуется в блистающей броне.

Глаза, где обольщение и обман,
Сжигают благочестия хирман.

И не от дыма ль огненных зениц
Черней сурьмы густая сень ресниц.

От этого огня, от этой тьмы
Вселенная одета в цвет сурьмы.

На розовых щеках сверкает пот,
Как амбровые капли вечных вод.

Сквозит пушок над верхнею губой,
Как травка над рекой воды живой.

Цветастым шелком стан высокий скрыт,
Как вьющимися розами самшит.

И как струя небесного огня,
Как молния — полет ее коня.

Она сама, как солнце на коне,
Блистающее в синей вышине.

Парчовый заткнут за пояс кафтан,
Цветут шальвары, как цветок савсан.

Сверкает радугой узор платка,
А покрывало легче лепестка.

Цветок багряный на чалме горит,
Цветок тюльпана к тополию привит.

Вот чар волшебных сила, о душа!
Вот он — цветник Халила, о душа!

Творенье неба лучшее — она
Непобедимой нежностью сильна.

Суровый содрогнется человек,
Когда она вблизи стремится свой бег.

Когда проскачет конь ее, пыля,
Пред нею рухнут небо и земля.

Где, словно див, ее промчится конь,
Объемлет душу ангелов огонь.

Скажи: она — убийца на коне,
Но сеет смерть не по своей вине.

Муж разума Зуннун и сам Шибли
От красоты ее с ума сошли.

И плачет вера над безумьем их;
Печаль в пещерах, в ханаках святых.

И тот, чей дух — незыблемый утес,
Ее увидев, льет потоки слез.

Молитва, ясный разум — свет всего
Значение теряют для него.

Огонь любви невежду не страшит,
Но тот блажен, кто видит и горит.

Вся грязь уничтожается в огне,

А злато очищается в огне.

И тот счастливым будет в двух мирах,
Кому перед огнем неведом страх.

Глава XL

Десятая беседа О правдивости

Тот, кто правдив, не думает о том,
Что древний свод идет кривым путем.

Ведь не помеха мчащейся стреле
Бугры и буераки на земле.

Ум направляет к цели — по прямой.
От цели отдаляет путь кривой.

Высокого познания мужам
Любезен звонкий най за то, что прям.

А чангу крутят каждый раз колки,
Чтоб струны были прямы и звонки.

Копье достойно богатырских рук;
Веревкой вяжут караванный вьюк.

Свеча высоко на пиру горит,
Сердца гостей сияньем веселит.

А по кривой летая, мотылек
Попал в огонь и крылышки обжег.

Прям кипарис и к небу устремлен,
И никогда не увядает он.

А гиацинт деревья обвивал,
И почернел под осень, и увял.

Пряма на таре звонкая струна;
А лопнет — в кольца скрутится она.

Коль по линейке строки пишешь ты,
Калам не отойдет от прямоты.

А коль наставишь точки, как пришлось,
Вся рукопись пойдет и вкривь и вкось.

В сияние одетая душа —
Как ни была бы пери хороша,

Хотя б красавицы вселенной всей
Склонялись, как служанки перед ней,

Хотя б огнем ланит, венцом чела
Она весь мир испепелить могла,—

Но коль живой сердечной прямоты
В ней нет, то ею не прельстишься ты;

Она прямыми стрелами ресниц
Не поразит и не повергнет ниц.

И не привяжется душою к ней
Никто из чистых искренних людей.

Коль верные михраб не возведут,
Намазы их напрасно пропадут.

Будь благороден, пишуший! Пиши
Правдиво перед зеркалом души.

Тот прям душой, чей правду видит взор;
Рукою гибкой обладает вор.

Когда же явным станет воровство,
Палач отрежет кисть руки его.

В косых глазах, так говорит молва,—
Одно явленье видится, как два.

А в вечном и едином видеть двух
Есть многобожие; запомни, друг!

Был непостижный дар всезнанья дан
Великому, чье имя Сулейман.

Царь Сулейман — владыка и пророк —
Наполнил славой Запад и Восток.

В песках, где даже коршун не живет,
Он словом воздвигал дворцовый свод;

На облаках ковер свой расстилал,
В походе ветер, как коня, седлал;

Заставил дивов, пери, свет и тьму
Повиноваться перстню своему.

Была на перстне надпись; смысл ее:
«В правдивости — спасение твое!»

Живет в наш век султан, хакан времен,—
Нет, не хакан, а Сулейман времен;

Тот, чей престол вздымается в зенит,
Чьим блеском затмевается зенит.

Ему отважных преданы сердца;
Как небо в звездах — свод его дворца.

Джамшида он величием пышней,
Войсками Искандара он сильней.

Он близ Хурмуза ставит ратный стан,
Там, где когда-то правил Сулейман.

По вечной воле разума времен,
Как Сулейман, он перстнем одарен.

Тот перстень сила звезд ему дала,
Чтоб совершать великие дела.

Не лал бесценный славен в перстне том,
А надпись на окружье золотом.

Я изумился, прочитав ее:
«В правдивости — спасение твое!»

Пусть этот перстень мощи не дает,
Владелец перстня мощь в себе найдет.

И каждый будет жизнь отдать счастлив
Владыке, что к народу справедлив.

Правдивость — сущность истинных людей;
Два главных свойства различимы в ней.

Вот первое: не только на словах,

Правдивым будь и в мыслях и в делах.

Второе: сожалей о мире лжи,
Но правду вслух бестрепетно скажи.

И оба свойства эти хороши,
И оба — знак величия души...

О, если б каждый лживый человек
Поменьше лгал! — Но не таков наш век...

Так мыслит в наше время целый свет,
Что слово правды хуже всяких бед!

Там, где ты ищешь правды, прямоты,
Лжи закоснелой вижу я черты.

«Страной неверных» дальний Чин зовут,
Но верность и правдивость там живут.

Хоть правда от природы всем дана,
Но всем потом не по сердцу она.

Где сердце ты правдивое найдешь
Средь изолгавшихся, чья правда — ложь?

И кто правдив сегодня — о, как он
Говеньем и нуждою угнетен!

Взгляни на время! Видишь, как оно
В движении своем искривлено.

Как циркуль движутся пути светил,
Но циркуль тот «прямой» не начертил.

Правдивым — слава! Но у них всегда
С коловращеньем времени — вражда.

Калам писца стезей спешит прямой,
И платится за это головой.

Был прям «Алиф», но в плен его взяло
Петлею начертание «Бало».

Веревка прямо, как струна, в шатрах
Натянута; но вся она — в узлах.

По линии прямой — метеорит
Летит к земле; и, падая, горит.

Свиваясь в кольца, древняя змея
Над кладом дремлет, яд в зубах тая.

Чарует сердце новая луна,
Хоть, словно серп, она искривлена.

А сколько завитков вокруг чела
Накручивают, чтоб чалма была?

Нет, нет! Не то хотел сказать я вам,—
Видать, ошибся быстрый мой калам!

Над нами искривлен небесный свод,
Но в правде сердца истина живет.

Свеча сгорает, изливая свет,
И для свечи отрады большей нет.

А яркий росчерк молнии кривой
Блеснет — и поглощается землей.

Садовник, чьи орудья — шнур и взгляд,
Кустарник дикий превращает в сад.

Когда широкозубой бороной
Не заскородишь пашни поливной,

Напрасно будешь землю поливать,
Напрасно будешь урожая ждать.

И зеркала поверхность — чем ровней,
Тем отраженье в зеркале верней,

Тем ярче в нем сиянье красоты
И резче безобразия черты.

Так солнца диск в озерах отражен,
А кривизною зыби — искажен.

Когда ты по невежеству солжешь,
То, может быть,— не в счет такая ложь.

Но тот — неверный, не мужчина тот,
Кто делом лжи, как ремеслом, живет.

И сколько бы ни ухитрялся он,
В конце концов он будет обличен.

И если он обманет весь народ,
Но все же от возмездья не уйдет.

Хоть целый век обманывай глупцов,
Но выдаст ложь себя — в конце концов.

Рассвет вещает наступленье дня,
Обманчив яркий блеск его огня.

Фальшивыми монетами платеж
Подсуден. Что же не подсудна ложь?

Ты в злобе клялся ложно, может быть,
Но ложь свою ты можешь искупить.

Тому, кто средь людей слывет лжецом,
Народ не верит никогда, ни в чем.

И если правду будет говорить,
Он никого не сможет убедить.

Обманщик он! — трубит о нем молва,
Ему не верьте! Ложь — его слова!

В народе имя доброе навек
Утратит, изолгавшись, человек.

Коль правда весь народ не убедит,
Ложь эту поросль правды заглушит.

Когда не можешь правды ты сказать —
Молчи, терпи и жди, но бойся лгать.

Глава XLII

Одиннадцатая беседа О возвышенности звезд на небе знаний

Пока с людьми враждует небосвод.
Почет — невеждам, а ученым — гнет.

Везде, где угнетение царит,

Познанья сад запущен и забыт.

Плоды опали, гнить обречены;
Сухие ветви вверх вознесены.

Прославлен века нашего позор,
А россыпь лалов скрыта в недрах гор.

Гляди — покорны Запад и Восток
Тому, кто нравом злобен и жесток.

Кейван — планету, веющую злом,—
«Планетой высочайшей» мы зовем.

А Муштари, чей знак — исток щедрот,
На пояс ниже по небу идет.

Злодей от кары огражден судьбой,
А добрый тяжко угнетен судьбой.

Пустая раковина — злой скупец —
Бесценный жемчуг прячет в свой ларец.

А кто, как чистый перл, душой открыт,
Сверлом алмазным грудь свою пронзит.

Взметнув нагие скалы в вышину,
Хребет горы царапает луну.

А под пятой горы, во тьме глубин
От мира скрыт блистающий рубин.

Индус-огнепоклонник пламя чтит
И на престоле яшмовом сидит.

У ног его — в золе — росток огня;
Горит, колеблется цветок огня.

Глупец, ничтожный в сущности своей,
Блестает, как павлин в садах царей.

А тот, кто словом покори́л страну,
Жить обречен, как попугай в плену.

Ловецкий сокол, злой убийца птиц,
Взлетает в небо с шахских рукавиц.

А птица кабк, что солнцу песнь поет,
Конец бесславный на костре найдет.

Замзама воду черпает скудель,
А в хрустале лелеют винный хмель.

Вино ключом нечестия зовут,
Но как к нему уста-рубины льнут.

Как зеркало прозрачен небосвод,
Его туманит мгла вечерних вод.

И ночь зеркальный блеск луне дала,
А от росы потускли зеркала.

Весь день плясунья-бабочка кружит,
Шелками крыльев яркими блеснит.

А ночью залетевший мотылек
Себя одеждой бедствия облек.
Уходит на чужбину — нищ и наг —
Томимый жаждой знания бедняк.

Истлело платье на плечах его,
И нет сандалий на ногах его.

От жажды губы у него черны,
Пяты колючками уязвлены.

Его колпак в прохожих будит смех,
Одежда — сеть из дырок и прорех.

Как птицу счастья в эту сеть поймать?
Где — кроме крупных слез — приманку взять?

Бумага, книги в торбе у него;
Найти источник знания — цель его.

В возможность чуда должен верить он,
Бумажными листьями окрылен.

И пусть нуждой не будет он убит,
Хоть голод день за днем его томит.

Хоть он под лютым солнцем почернел
И телом, как тростинка, ослабел,

И подаяньем кормится в пути,
Чтобы до цели поскорей дойти.

Мечта его — пристанище, где он —
Для всех невидим — будет утаен.

Людна чужбина, только друга нет,
К родной стране давно затерян след.

Здесь тоже много улиц и домов,
Но где найдет он на чужбине кров?

Не знает он, куда ему пойти,
О, муки одиночества в пути!

Разлуки пламя дух его палит,
Глухое одиночество теснит.

Так он — голодный — бродит в пыльной мгле,
А ночь настанет — ляжет на земле

Избыть усталость, малость отдохнуть;
Но до зари не может он уснуть.

А поутру идет он в медресе,
Потом — в другую. Так обходит все.

Всем говорит, как он нуждой томим,
Но каждый притворяется глухим.

Пускай удел скитальческий жесток,
Он за уроком слушает урок;

Бездомен, вечно голоден, угрюм,
Наукой он обогащает ум.

Так на чужбине жизнь его худа,
Что хуже не бывало никогда.

Язык не в силах это рассказать,
Калам не в силах это описать.

И так он проживет пятнадцать лет,
Храня в мученьях верности обет.

А на ночь он в углу ночлег найдет,
Коль милосерден сторож-доброхот.

Есть в мире тысячи таких бедняг,
Покрыл их судьбы непроглядный мрак.

На тысячу едва ли пятерых
Достигших цели вижу среди них.

И эти, с малым знаньем, может быть,
Чуть научась писать, идут служить.

Но полных знаньем — двух иль одного
Назвать могу для века своего.

Учиться нужно тридцать, сорок лет,
Чтобы открылся избранному свет.

Счастливец! Пусть под солнцем капля он,
В нем океан познания заключен!

Он все науки мира изучил,
На всех языках он заговорил.

Душа он, обнимающая мир,
Он — капля, отражающая мир.

Пустого слова нет в его речах,
Тайн сокровенных свет — в его речах.

Густая тушь письмен его черна,
В ней влага вечности заключена.

В строках, начертанных его рукой,
Сверкает смысл рекой воды живой.

Он из долины бедственной земли
Читает знаки звезд, как Бу-Али.

В руке его, как молния, тростник
Записывает все, что он постиг.

Но чем полнее знания его,
Тем горше и терзания его.

Как прежде, у него приюта нет,
Как прежде, скуден ужин и обед.

Но вот — невежда грубый, может быть,

Ты не захочешь с ним и говорить.

И гнать его велишь с порога прочь,
Не в силах отвращения превозмочь;

Понятя в нем о благочестье нет,
И в нем ни совести, ни чести нет.

Он чувства человечности лишен,
Он страшно глуп, но властью облачен.

Он — ненавистник правды и наук,
И для ученых он — источник мук.

Его пристрастье — мучить, убивать,
Управы на него не отыскать.

И на лице лоснящемся его
Сияет наглость, больше ничего.

С собакой он не может быть сравнен,
Собака человечнее, чем он.

И странно, что убийца и злодей,
Невежда, нечестивый враг людей

Велик и властен — волею судьбы,
А люди лучшие — его рабы.

Пылает золотом его халат,
Он самодурства пламенем объят.

Он вреден всем. Он, как дракон, лежит
Над кладом, что собрал для нас Джамшид.

Он — шип; но ветер утренний ему
Втыкает розу лучшую в чалму.

Хоть изверг он, но шахскою рукой
Ему кушак подарен золотой.

Здесь каждый шаг злодея — смертный грех,
А на лице его — бесстыдный смех.

Не потому ль высокомерен он,
Что в правоте своей уверен он?

Так предстоят у нас вселенной всей
Мудрец-бедняк и правящий злодей.

Ученый в унижении всегда,
А извергу — и слава и звезда.

Невежда правящий позорит мир,
Зовется же — наместник и эмир.

Но самовластью принужден терпеть
Мудрец, чтоб с голоду не умереть.

Он ангелу подобен... Как же он
Перед проклятым дивом унижен!

Ему за труд не платят. И смотри:
Его с порога гонят вратари.

Когда же, унижаясь, наконец,
К наместнику войдет он во дворец,

Молитву перед беком он прочтет,
Прах поцелует — и ни с чем уйдет.

Но тот, кто силой знаний власть берет,
Тот и себя погубит, и народ.

Мудрец, что ищет власти в наши дни.
Кто он? Его с невеждою сравни!

К чинам ученый рвется? Но тогда
Сравни с морской водою пот труда.

Не для шакалов жадных и собак
На мертвом скакуне золотой чепрак.

В ученье низкий сердцем должен быть
Усердным, чтоб отличие получить.

Но истинно ученый — только тот,
Кто, не страшась, путем своим идет.

Что слава? — Это надо ли ему?
Не нужно этой падали ему.

Рудник рубинов он таит в себе,
Он драгоценный перл растит в себе.

Он россыпь жемчуга в себе найдет,
Как мириадозвездный небосвод.

Бесценны перлы в мантии его,
Несметно звезд бессмертных торжество.

Такого счастья тот достичь успел,
Кто мир и весь соблазн его презрел.

Пусть не стыдится он своих заплат,
Ведь роза тоже в клочья рвет халат;

И солнце на небе обнажено,
Но как одеждой туч омрачено;

И самой сладкой дыни слаще мед;
Что кабарга без мускусных щедрот?

Муж не одеждой славен золотой;
Перл драгоценный славен сам собой.

Мясная муха бирюзой блестит,
Но погляди — у падали гостит.

Глава XLVI

Тринадцатая беседа О тех, кто приносит пользу людям

Как утро сыплет горсти серебра,
Ты солнцем льешь для всех лучи добра.

Смеясь, как утро, ты на всех глядишь,
Кружась, как солнце, ты для всех горишь.

Пусть каменный тебя осыплет град,
Стоишь, как горы вечные стоят.

Не устрасаясь вражьего меча,
В ночах сияешь людям, как свеча.

Ты и с разрубленной головой
Для книги бытия — калам живой.

Твою грудную клетку рассекут,

Но жемчуг, как в жемчужнице, найдут.

Ты будешь изливать, как кабарга,
Благоуханье, пав от рук врага.

Но те, кому добро несешь любя,
Всегда молиться будут за тебя.

Твое прозвание: «Лучший из людей»,—
Его всей жизнью оправдай своей.

Чем больше пользы людям принесешь,
Тем больше пользы в том себе найдешь.

Благодеянья сеешь ты вокруг,
Благодеянья дар — твой верный друг.

Уронит каплю облак в бездну вод,
И в глубине жемчужина растет.

За саженцем присмотрит садовод,
А саженец дает и цвет и плод.

Опорный столб — оплот для потолка,
Но сам он упадет без потолка.

Красавиц брови крашены усмой,
Но от бровей — краса усмы самой.

И родинки мы славим черноту,
Когда живую видим красоту.

Но человек, несущий людям вред,
Сам для себя источник худших бед.

Нельзя хрусталь ногами раздавить
И ног осколками не уязвить.

Хоть искра стог самана подожжет,
Саман сгорит, а искра пропадет.

На шею сядет, кровь сосет комар,
Но нанесет ладонь ему удар.

Так на сову все птицы нападут
И в западню внезапно попадут.

Богач, засыпав закрома давно,
Глядит — истлело в закромах зерно.

Кто камни вздумает метать в зенит,
Камнями теми будет сам побит.

Кто людям хочет бедствий и вреда,
Знай — это признак низости всегда.

Счастлив или несчастен человек —
Не им самим свой предначертан век.

Бесценный мускус кабарге не скрыть,
Благоухания не утаить.

Кто щедростью с рожденья одарен,
Не думает — богат иль беден он.

Вот человека чистым создал бог,
Но для нечистых грязен он и плох.

Есть у плода ядро и скорлупа;
С тобой друзья, вокруг — врагов толпа.

Есть в мире и добро, и зло, и грех;
Добро — тайник, открыто зло для всех.

Плохого много, тонет мир во зле,
Добра и правды мало на земле.

Не может злобный див коран читать,
У низких сердцем правды не узнать.

Презрение к добру — природа злых,
Махни на них рукой, уйди от них.

Дурному кажется, что он хорош,
Но ты его хорошим не сочтешь.

Кто видит лишь пороки у других,
Тот недостатков не поймет своих.

Тот, у кого на все неверный взгляд,
В блестящей меди видит смертный яд.

Кто низок в мыслях, с завистью глядит
На всех, а зависть сердце тяготит.

Обломок ракушки в руке чужой
Он назовет жемчужиной морской.

Иголку приравняет он к копыю,
Обрывок нитки примет за змею.

От зависти чужой чурек сухой
Считает он блистающей луной.

И так завистлив он, что иногда
Мозоли на ладонях у труда

За горсть жемчужин принимает он,
Хотя мозолей сам не знает он.

Перо совы, умчавшейся во тьму,
Пером симурга кажется ему.

Вино рубином называет он,
Но кубок свой не наполняет он.

Он, видя, что порой вино я пью,
От зависти глотает кровь свою.

Он даже человеческим слезам
Завидует, хоть и не плачет сам.

Увидя новый дом, резной айван,
Он, как пожаром, злобой обуян.

Нам смех, но нет веселья у него,
Мы выпьем, а похмелье — у него.

Когда мы радуемся — он скорбит,
Его чужое горе веселит.

От злобной зависти укрыться нам
Трудней, чем ход в казну закрыть ворам.

Дыханье розового цветника —
Мученье для навозного жука.

Дорогой Хызра дивы не пойдут,
Их устрасит зеленый изумруд.

Осветит солнце всю земную ширь,

Но солнца не увидит нетопырь.

Вода — спасенье жаждущих людей.
Огню пожара гибель — встреча с ней.

Безумец прячется в глухой степи,
В саду он, как в темнице,— на цепи.

Отраднo быть холодным облакам
Преградой ярким солнечным лучам.

В скудели грубой спрятанный от глаз
Не потеряет ценности алмаз.

Как Бу-Лахаб пророка ни чернил,
Весь мир избранник божий осветил.

О друг — живущий, как велел пророк,
Ты счастлив, если чужд тебе порок!

Бог в сферу неба,— мудрые рекли,—
Вместил вращающийся шар земли,

Чтоб солнечных лучей поток живой
Согрел на ней любой росток живой.

И был предвечным насажден цветник,
Где человек, как лучший цвет, возник.

А лучшим средь людского рода стал
Тот, кто под ношей мира не упал.

Но совершенством сей украсил сад
Глава пророков и пророк Ахмад.

Он стал светилом сущего всего,
Войдя в зенит величья своего.

Ов людям, как маяк в ночи, светил,
Хвалу творцу вселенной возвестил.

Добро своим мерилom сделал он,
Чтоб ты к добру был сердцем устремлен.

Он — восхваленный утром светоч сил —
Тебя возвысил сам и восхвалил.

Великой той хвалы не забывай.
Всегда за благо благом воздавай.

Себе у бога пользы не проси,
А людям больше пользы приноси.

Длиннее сделай щедрости аркан,
Не прячь свой дар, что был с рожденья дан.

Имеешь много — одаряй людей,
Имеешь мало — тоже не жалея.

Когда ты вовсе беден — говори,
Сердца словами мудрости дари.

Порою наступают времена,
Когда спасает слово — не казна.

От смерти может слово защитить,
В труп охладельй душу возвратить.

Свет веры в слове миру заблистал.
Зверь силой слова человеком стал.

Где золото дороги не найдет,
Разрушит слово бедственный оплот.

Живое слово — жизни лучший цвет,
Познания волшебный самоцвет.

Но слово — лишь тогда оно сильно,
Когда к добру, как луч, устремлено.

Будь, сердце, радо радости людской,
А сердце злобы истомись тоской.

Не назовется человеком тот,
Кого людское горе не гнетет.

А радуется гибели людей
Палач, или могильщик, иль злодей.

Тот, кто встречал завистливых и злых,
Душою отвращается от них.

О друг, когда ты в горе иль беде
И не находяшь помощи нигде,

И некто вдруг в тот час к тебе придет,
И помогать и утешать начнет, —

Пушай не в силах он тебе помочь,
Ты не гони его презреньем прочь.

Он, жаждущий добра для всех людей,
Достоин благодарности твоей.

Таким тебя предвечный сотворил,
Родник добра в груди твоей открыл.

Тот будет восхваляем и велик,
В ком не заглох божественный родник.

И суждены ему в конце концов
Трон и венец высокий двух миров.

О мудрый, взвесь: не лучше ль быть таким:
Счастливым, — не отверженным, не злым?

Всех выше те, кто доброе творят,
Но за дела добра не ждут наград.

Всем жертвуют для страждущих людей,
Не думая о выгоде своей.

Все облак, что имеет, — отдает,
Зато ему подвластен небосвод.

А муравей, чья доля — собирать,
Во тьме подземной должен обитать.

Осыплет ветер груды лепестков,
Но больше новых расцветет цветов.

А ветер, что сорвал цветы с ветвей,
Бродягой стонет у чужих дверей.

Хрусталь — источник розовой воды —
Хранят в закрытой нише от беды.

А веник — собиратель грязи всей —
Валяется в презренье у дверей.

Кудрей дыханьем мускусным даря,

Красавица блистает, как заря.

А мускус Чина, гордый сам собой,
Мы сравниваем с черною землей.

И третья степень в деле блага есть —
В ней благородство высшее и честь.

Дари всегда с открытою душой,
Сладчайшим словом горечь правды скрой.

Дарящего, коль сердце чутко в нем,
Мы здесь дарящим дважды назовем.

Взгляни: плоды прекрасны, но цветы
Над ними — завершенье красоты.

И пусть прекрасна пери, но сильней
Пленит иная нежностью своей.

Венца несовершенно торжество,
Коль не венчает редкий перл его.

И пища с зеленью вкусна не столь,
Коль не положат перец, сахар, соль.

Тот, кто себя на этом утвердит,—
За боль, что причинят ему, не мстит.

Любая для него прозрачна тьма,
Над бездной горя ярк свет ума.

И это настоящий человек,
Средь сонмищ наивящий человек.

Велик он человечностью своей,
Живет в нем человечность всех людей.

Глава XLVIII

Четырнадцатая беседа Жалоба о построении судьбы

Как фокусник бродячий, небосвод
С тобой игру обманную ведет.

Что фокусы? Сильней любой судьбы
Деянья темные его волшбы.

Как фокусник, кружа свой синий таз,
Дает он представление для нас.

На рубище его взамен каймы
Созвездия горят из вечной тьмы.

А со спины через плечо на грудь
На всем плаще заплата — Млечный Путь.

Вкруг солнца, как дервиш, кружится он;
Огонь в тазу лазурном затаен.

Легко привыкла свет его рука
Вытаскивать из-за воротника.

Из пасти сыплет искрами огня,
А мы зовем все это утром дня.

И как всемирной славы торжество,
Все пламенеет рубище его.

Он — кукольник, скрывающий игру
Завесою, похожей на чадру.

Его театр не на столбах стоит,
И зрелища кругообразен вид.

Откроет балаган: как хороши
Все куклы! Но они — обман души.

Искусством дивным игры их полны,
И люди марою обольщены.

Он в грудь себе вонзает нож кривой
И порождает месяц молодой.

Под страшным заклинанием его
Блится звезд несметных торжество.

Какая же глубокая печаль
Его согнула, словно букву «даль»?

Колдун коварный — как согнулся он,
Как сединой рассвета убелен.

Или он — ведьма старая? У ней
Одно желанье — убивать людей.

Она Хосрова древнего убьет.
Что ей Хосров? Фархада кровь прольет.

Невесте мира ласку и добро
Несет она, советует хитро.

Надушит амброй завитки кудрей.
Поставит солнце зеркалом пред ней.

Белила даст, чтобы была бела
И поутру жасмином расцвела.

Лицо украсит блеском лепестков,
С висков опустит мускус завитков.

Тюльпаноцветно нежный лик зажжет,
Пятно тюльпана родинкой возьмет.

Окрасит брови синею сурьмой,
Осыплет всю алмазною росой.

И шепчет льстиво: ты, как кипарис,
Ты в зеркало разлива поглядишь.

А рот земли прекрасной, как бутон;
Чтоб говорить, раскрыться должен он.

Нарциссы — глаз невестиных зрачки,
Язык — прекрасных лилий лепестки.

Судьба нарциссы подарила ей,
Всея научила хитрости своей.

Так древний свод, чтоб обмануть твой взгляд,
Украсил землю, словно райский сад.

Ее царевной Чина назови,
Бросающей в сердца огонь любви.

Настолько чары древние сильны,
Что поколенья ими пленены.

И человек любой, едва рожден,

Великой этой чарой обольщен.

Пушкой Рустам родится тахамтан —
К колдунье этой попадет в аркан.

Земля-старуха, как весна, цветет,
Посредник ей — коварный небосвод.

И сколько скрыто чар и колдовства,
Дабы соединились эти два.

Что значит брак с землей сердцам живым?
Земля берет всю душу, как калым.

Пусть мир калымом душу заберет,
Но вера душу чистую спасет.

Вот так красавица, весны светлей,
Влюбленному велит молиться ей.

В тот час, как он к ногам ее падет,
Она на выкуп намекать начнет.

Мол, на калым души не пожалей,
Потом отдай и веру вслед за ней.

А душу взяв и веру у него,
Прогонит прочь из дома своего.

Едва прогонит, вслед иной придет
И так же все отдаст и прочь уйдет.

И новые придут вослед за ним,
И пропадут, все уступив другим.

Жестокость мира к предку твоему
Тебя не научила ничему.

Пришло, ушло их сколько — счета нет...
За тысячей идет сто тысяч вслед.

Вот дело бытия: приход, уход.
Что вас — на этот пир пришедших — ждет?

Вот так судьба в кругу своем тверда,
Утверждена от века — навсегда.

Числа и сметы приходящим нет.
Уйдут — приметы уходящим нет.

Все, что народ, как соты, создает,
Вращаясь, истребляет небосвод.

Ты в две дуги небесные взглядишь,
Есть точка, где они пересеклись.

Не потому ль, чтоб нам закрыть исход,
Крест-накрест опоясан небосвод?

Нам от его вращения — ночь и день,
И счастье, и беда, и свет, и тень.

И от его вращения свет и тьма
Способны серп луны свести с ума.

Над ночью в клочьях траурных одежд,
Рассвет рубаху рвет — лишен надежд.

Светильник мирный от него дрожит,
В смятенье ветер по степям кружит.

В ущельях гор безумствует вода,
Сметает силь усилия труда.

Не по вине ль судьбы — волна морей
Отравы горше, соли солоней?

Ты раною, запекшейся в крови,
Рубиновую россыпь назови.

Зачем земле жемчужина нужна,
Что из слезы мучений рождена?

Зачем сгустилось облако черно?
Видать — своей судьбой омрачено.

Из-за чего источник слезы льет?
С источником враждует небосвод;

Под блеском розы сто шипов тая,
Рыдать ои заставляет соловья.

Отколь в тюльпане чернота взялась?
Кровь у тюльпана в сердце запеклась.

Блестят, играют грани хрустала,
Огнем вина сердца людей паля.

Огнем веселья мир сердца зажжет,
Но все, что даст, обратно отберет.

Зовется покровителем людей,
Но нет врага коварней и лютей.

Пусть ты в его сиянье расцветешь
И счастье краткодневное найдешь,

Пусть ты обогатишься, как Карун,
Пусть возвеличишься, как Фаридун.

Но никогда ты к цели не дойдешь
На том пути! Бесследно пропадешь.

Сей свод и все деяния его
Вниманья недостойны твоего!

Сей низкий свод, для страждущих под ним,
С округлым неким решетом сравним.

Он всех — богатых, бедных, слуг, господ —
Горстями в это решето кладет.

И так, сумев порядок навести,
Он начинает решето трясти.

Тут не помогут жалость или гнев,
Когда пойдет неслыханный отсев.

Никто не помощь на отсеве том,
Застрянут злые в решете густом.

Увидишь — тот, кто далеко стрелял,
Стрелюю в решете судьбы застрял.

В чем суть решений решета судьбы?
В недоуменье мы — ее рабы...

Когда свой меч заносит небосвод,
Он равно злым и добрым зло несет.

Царя с престола древнего отцов

Влачит на стол, где моют мертвецов.

А бедняка, укрытого хыркой,
Венцом венчает, кейевой парчой.

Подносит кубок, блещущий вином;
Но помни — яд смертельный в кубке том.

Кто, выпивший до дна его фиал,
Не корчился от мук и не стонал?

Пусть небом возвеличен был эмир
И подчинил себе почти весь мир.

Но где он — столь возвышенный судьбой?
Увы! Он — прах, и поглощен землей.

Когда-то миром правил род царей,
Известный справедливостью своей.

Но к тем из них, кто всех подлее был,
Бессудный небосвод благоволил.

Владелец перлов редкостной красы
Не отличает жемчуг от росы.

Смотри: нарцисс прекрасный близорук —
Он, как в тумане, видит все вокруг.

Но радостен его весенний пир,
Ему золотые кубки ставит мир.

А роза, радующая мой взгляд,
Непостижимая, как райский сад,

Шипами раяя плоть моей руки,
Рассеяла под ветром лепестки.

Мошной, как мерой, в майхане поят,
В мошне такой же чинский муск таят.

Стрелок онагра вольного убьет
И, ободрав, из шкуры тул сошьет.

Смотри: людей терзающий злодей
Садится гордо на престол царей.

Зачем же всех других оставил ты
В пучине бедствия и нищеты?

Где Джам? Где Фаридун? Где сам Заххак?
Ирадж? Гушанг? — Увы, ушли во мрак.

Где Салм, где Минучехр, и где Навзар?
Где царственный Бахман? Где Искандар?

Куда исчез великий Чингисхан?
Где сам Тимур, могучий Гураган?

Как высоко их поднял небосвод,
И как низвергнул в прах с таких высот.

Не упивайся миром, не зови
Его богатств! Не верь его любви!

Плоды, что он несет тебе, отдай!
От праха отрекись — не опоздай!

Покамест жив, ты унижай его,
Пятой дервиша попирай его.

Пока владеешь волей, светом вежд,
От мира отряхни подол одежд.

В долг у него сокровищ не бери,
Свое богатство людям раздари.

Раскрой, как солнце, рук своих персты,
Дождь серебра пролей! Беги тщеты!

Наступит час: до нитки обдерет
Тебя сейчас дарящий небосвод.

Глава ЛП

Шестнадцатая беседа Об алчных себялюбцах

О ты, гонящий своего коня
Дорогой брани, храбрости, огня;

Ты по майдану молнией летишь,
Рустама память ни во что не чтишь.

Гляжу я: как высокомерен ты...
Былых друзей презрев, уверен ты,

Что три, четыре пальца лишь всего
От неба до затылка твоего.

Ты на коне, как барс, а конь — гора;
Но нет в тебе ни света, ни добра.

Ты нравом тигра злобного лютей,
И топчешь ты достоинство людей.

Как ты надменно попираешь всех,
Но это — ересь, нечисть, гнусь и грех.

Угрюмо хмурится твое лицо,
А перстень твой — проклятия кольцо.

Ты — злой Заххак! Все действия твои —
Из плеч твоих две выросших змеи!

Великий презирая шариат,
Ты бороду брить дважды на день рад.

Но ты, рожденный ереси служить.
И недостойн бороду носить.

Ты точишь стрелы гнета твоего
Точилом подбородка своего.

Зато усы твои,— о, как они
Закручены, как птичьи западни.

Хоть ты суров, огромен, как гора,
Мы от тебя не слышим слов добра.

Неблагодарный подбородок свой
Ты всем открыл, расставшись с бородой.

Тебя кулах венчает; блеск пера
В чалме твоей нам не сулит добра.

Дал то перо тебе не Джабраил,
А сам Иблис — владыка темных сил.

Твоя джига — перо ночной совы,

А не венец павлиньей головы.

Когда идешь ты, гордый удалец,
Качается чалмы твоей конец.

Но эта шапка с вмятиной на ней —
Гнездо для птицы низменных страстей.

Коль на тебе не шелковый халат,
Мне кажется — и жизни ты не рад.

Лицо платком привык ты прикрывать —
Сатиру б о тебе на нем писать!

Чтоб ты, как в зеркале, себя узнал,
Чтоб ты, читая, от стыда сгорал.

Шелк презираешь ты, что дома ткут,
Китайские шелка тебе везут.

Ты не наденешь бязь, тебе нужна
Рубаха из льняного полотна.

Одежда нижняя твоя легка,
Она прозрачней крыльев мотылька.

Вот ты, как роза в лепестках своих,
В цветных шелках; златой кушак на них.

Скажи, кто так искусно вышить мог —
Какой ценой — твой поясной платок?

Шит жемчугом роскошный твой халат,
Сапог подковки золотом звенят.

Твой конь сверкает сбруей золотой,
Уздечка блещет шахской бирюзой.

Дорожный безрукавный твой чапан
От драгоценных яхонтов багрян.

Одет прекрасно, внешне ты красив,
Но ты — по сути — безобразный див.

Ты с виду пери: только шип жесток,
Что скрыл росистой розы лепесток.

Красуясь, ты смеешься, как весна,
Но вешний твой румянец — от вина.

Ждем слов твоих. Но, спьяну бестолков,
Ты губишь смысл в потоке лишних слов.

С тобою свита — лизоблюдов тьма,
Но нет ни в ком ни чести, ни ума.

Слетелись, словно стаи воронья;
Как падаль, их влечет казна твоя.

О, как они угодничают, льстят,
Как преданно в глаза твои глядят.

Что ни сболтнешь ты спьяну — вздор любой
Зовут вершиной мудрости земной.

Кричат тебе: «О мой Мирза! Мой бек!
Ты — самый первый в мире человек!»

А ты сидишь — доволен и счастлив,
Как на пиру чертей верховный див.

Вино — змеиный яд — в твой кубок льют,
А мясо змей закуской подают.

Все, что не чисто, что запрещено,—
Твой обиход: и пища и вино.

Как на пиру, ты полон удалства!
Как хвастаешь ты, выпив кубка два!

Ты, на словах, врага мечом разишь,
Сбить шлем железный с месяца грозишь.

Могучего Бахрама бросить в прах
Сулишься ты, но только на словах.

Как муха, для тебя ничтожен слон,
Не толще нитки для тебя дракон.

Вот так гадалщик в горсточке песка
Акулу видит меньше червяка.

Как звук литавр тебе — небесный гром
На нечестивом пиршестве твоём.

А грозный свод и молния его —
Жаровня для кебаба твоего.

Ты угнетатель, вероломный вор.
Безбожник, людям от тебя — позор.

Ты хвастаешь, что правишь всей страной
И даже шахской волею самой.

Ты хвастаешь, что рухнул бы престол,
Когда бы ты на помощь не пришел.

Ты наглостью такую обуян,
Что пред тобой ничто и сам султан.

Кричишь: «Сто тысяч войска мне даны,
А двести тысяч мне теперь нужны.

Где войско мне великое достать?
Задумал я весь мир завоевать...

Я утеснения не потерплю,
Служить к другому шаху поступлю!»

Вот так, крича, несет он пьяный вздор;
Ему с восторгом вторит пьяный хор.

Когда ж, неумолима и грозна,
Со всех сторон надвинется война;

И станет темен неба лик и взгляд,
И молниями сабли заблестят;

Когда при виде бедствий и смертей
Смятенье потрясет сердца людей,

Тогда вставай, джигит, являй свою
Отвагу, силу, опытность в бою.

Но где ж верховный бек — полков глава?
Где все его хвастливые слова?

Он отдает приказы в грозный час,
Но бестолков любой его приказ.

Где власть его? Где воля? Где рука?

Все гибнет, все... Бегут его войска!

Без высшей воли все усилья — прах.
Победу и успех дарит аллах.

Зачем на службу шах берет глупца,
Когда простерт над шахом щит творца?

Ведь ищет только выгоды своей
Тот себялюбец алчный и злодей.

А шах, что им обманут, в день Суда
Сгорит в огне великого стыда.

В бою с врагом, в рассыпанном строю,
Один Рустам — он все ж один в бою.

Один джигит врага не сокрушит,
Хоть подвиг двух Рустамов совершит.

Пусть будешь ты один в бою счастлив,
Пусть пред тобой бегут Рустам и Гив,

Но если войско все несет урон,
Погибнешь ты — гордыней увлечен.

Свою живую душу не губи,
Дракона себялюбья истреби!

Глава LIV

Семнадцатая беседа О временах года и возрастах жизни людей

Когда апрель прекрасный наступил
И миру всю любовь свою явил,

Нам ветерок с нагорий и лугов
Принес благоухание цветов.

Он ветви гибкие плакучих ив
Шуметь заставил, до земли склонив.

Им подмести велел он пыль с земли,
А тучки землю поливать пришли.

Вот молнии сверкающий аркан
Весь облачный перепоясал стан.

Гром отгремел, весенний дождь прошел,
Райхон благоухающий расцвел.

В саду, обильно политом, возник
Из черной почвы синий базилик.

И этот цвет полмира охватил,
Как сферу синюю цветник светил.

Росток райхона, ростом как дитя,
Смеется, юной красотой блестя.

Весна, свое являя колдовство,
Готовит благовонье из него,

Покрылось поле травяным ковром,
Цветы райхона — гурии на нем.

Раскрылись розы в свежести ночной,
Роса их льется розовой водой.

И дремлет, в сновиденья погружен,
Младенец — нераскрывшийся бутон.

Тюльпан в степи так весело плясал,
Что ветер шапку у него сорвал.

Цветы, как дети, вокруг зеркальных вод
В саду образовали хоровод.

И в пляске круговой они идут
И песенку «Гульходжа-Гуль» поют.

И так же все похожи на детей
Травинки, обступившие ручей.

Как звезды на высоких небесах,
Цветы красуются на деревьях.

И все живущие изумлены
Величием цветения весны.

Как будто не ряды дерев цветут,
А хороводы девушек идут,

Чтоб красоту их видели поля,
И горы, и холмы, и вся земля.

Дни эти — пир, и блеск, и торжество
В полях, в садах — цветущего всего.

Но несколько ночей и дней пройдет,
Наступит новый времени черед.

Когда возникнут завязи плодов,
Осыплет ветер лепестки цветов.

Зазеленеет на ветвях листва,
Заплещет, как стоустая молва.

Знамена бело-красные падут,
Зеленые знамена расцветут.

Шелка цветные сбрасывая, сад
В зеленый облачается халат;

Взамен жемчужин — изумруд блестит,
А вместо красных лалов — хризолит.

Цвет яблонь в стекловидных лепестках
Покрылся ржавчиной на всех ветвях.

И вот сквозной листвой блистает сад,
Как Хызр, надев зеленый свой халат.

Темнее ночь в тени его густой,
Его роса — родник воды живой.

Как молодая пери, скажешь ты,
Сад полон неги, томной красоты.

В зеленый шелк одеты все сады;
На шелке, вместо пуговиц, плоды.

Деревья — в пуговицах золотых,
В жемчужинах, в рубинах дорогих.

Плоды айвы, как золото, горят,
А яблоки — как жемчуг и гранат.

Инжир благоухает, словно мед,

И груши налились прозрачной сот.

Под кровлей виноградной, в знойный день,
Где зреют гроздья, — сладостная тень.

Я этот сад, что полн творящих сил,
С великим бы художником сравнил.

Он словно рай, блистающий в тиши,
Он словно жизнь разумная души.

Когда плоды садовник соберет,
Сад станет как беззвездный небосвод.

Торчат нагие ветви без плодов;
Он как жемчужница без жемчугов.

Прекрасный сад разграблен до конца,
Нет у него жемчужин для венца.

Усиьем созданные жизни всей —
Плоды надежд оборваны с ветвей.

А ветви без плодов ты назови
Людьми, в чьем сердце нет живой любви.

Грусть каждой обнаженной ветви той
Сравнима лишь с душевной пустотой.

Мне кажется — болеют деревья:
Желтеет и чернеет их листва.

Желтея в муках, как Меджнун больной,
Листву роняет ветка над водой.

Она согнулась, словно буква «даль»,
От безнадежности ее печаль.

С плакучих ив, как ливень медных стрел,
Под ветром вихорь листьев полетел.

Листва сама пожухнуть не могла,
Ее печаль огнем своим сожгла.

Спалил листву, как пламя, листопад,
И только сучья черные торчат.

Листики последние — клочки парчи —
Декабрьский ветер оборвет в ночи.

Печален сад безлиственный, нагой...
Земля покрыта тлеющей листвой.

В долинах, защищенных гранью гор,
Кой-где желтеет лиственный убор.

Но и туда дыханье января
Доходит, разорение творя.

Стоят ряды деревьев,— о тоска! —
Как черные индийские войска.

Стоят деревья голы и черны,
Как толпы пленников обнажены.

Они скрипят и стонут на ветру
И, леденя, стынут поутру.

А листья, если в ворох их сгребут,
Лишь на костер для сторожа пойдут.

В ад превратился светлый райский сад;
Ад с ним в сравненье — райский вертоград.

Мне наших дней весна и листопад
Напоминают чем-то этот сад.

Ведь каждый человек, едва рожден,
Как бы сияньем утра озарен.

Сперва он, словно свежий куст в росту,
Где розы раскрываются в цвету,

Где лепестки, покрытые росой,
Бессмысленно полны сами собой.

О, как они милы! У них — с утра
До вечера — еда, питье, игра.

Осыплет время лепестки цветов,
Наступит созревание плодов.

Отступит горьких заблуждений тьма
Перед лучом бессмертного ума.

Хирман невежества, где мрак и стыд,
Разумный знанием испепелит.

Как древо плодоносное, свой век
Разумный украшает человек!

Коль знаниями овладеет он,
Безумье мира одолеет он.

Один всю жизнь исследует коран,
Хоть он непостижим, как океан.

Другой ютится в келье, медресе,
Чтоб воедино свести хадисы все.

Что слава? Что награда за труды,
Когда с ветвей осыплются плоды?

Когда печали ураган дохнет
И стан твой, словно дерево, согнет.

И все твои желанья отгорят
И, словно листья с пальмы, облетят;

Услышишь ты беспечный смех детей
Над желтизной и дряхлостью твоей...

В прищуре век светильники очей
Завесишь ты завесами бровей.

Глаза от света яркого болят,
А брови их, как сторожа, хранят.

От света слепнущие и от слез,
Глаза тусклы, как медный купорос.

А если в полдень пред глазами ночь,
Стежанными очками не помочь.

О посох старца! О согбенный стан!
Вы — ось Зенита и Меридиан!

Ларец жемчужный рта — без жемчугов;
Десна, как буква «син», но без зубцов.

Рассыпаны все четки — до зерна,

Зубцов своих твердыня лишена.

Зато хребет являет становой
Все позвонки — дугою костяной.

Все угасает. Словно саван, бел,
На теле темный волос поседел.

Стан, словно «даль», днями отягощен,
Земле прощальный отдает поклон.

В глубокой безнадежности тогда
Последних дней проходит череда,

Пока посланец смерти не придет
Освободить страдальца от забот.

И кто бы в этот мир ни приходил,
В свой срок из чаши сей глоток испил!

Душа, пригубив смертного вина,
Путем небытия уйдет — хмельна,

Забыв себя и мир земных страстей...
А где блуждает? — Нет о ней вестей.

Из чаши смерти всяк хлебнет в свой час,
И эта чаша не минует нас.

Что слезы перед гибельной чертой
О жизни, бесполезно прожитой?

Весь долгий день я спал, пока я жил...
Очнулся, вижу — вечер наступил;

Забыл свой труд: не помышлял о том,
Что поздно будет каяться потом.

Без пользы я растратил жизнь свою;
Не будет пользы, коль себя убью.

Живя беспутно, что я совершил?
Опомнился, но время упустил.

Остался краткий срок, а путь далек...
Все тяжело мне, как тягостный упрек.

Коль за грехи мои прощенья нет,
Что ждет меня? Увы! Спасенья нет!

Наш век на части разделен судьбой,
Все эти степени пройдет любой.

До десяти он в игры погружен,
До двадцати он миром опьянен.

У всех до тридцати, до сорока
Жизнь — это наслаждения река.

Всем в мире наслаждение дано;
И это было мне не суждено.

Коль к полувеку муж не умудрен,
То в шестьдесят пойдет он под уклон.

Достойный, ты и в семьдесят ходи,
А в восемьдесят у огня сиди.

Мудрец, и в девяносто ясен будь;
А во сто — собирайся в дальний путь.

Когда животной жизнью человек
Живет, он без следа пройдет свой век.

Ты жизни не желай себе такой,
Коль нет защиты неба над тобой!

Уйди от жизни низменных людей,
Она — не жизнь, но гибели страшней...

Глава LVI

Восемнадцатая беседа О ценности жизни

Для духа мир — узилище, но он
Рай для невежды, что в него влюблен.

Не унижай величья своего,
Не пей, мой дух, из кладезя его!

Коль мира этого круговорот
В свой срок рабом в подземный град сойдет,

Зачем о нем печалиться, скорбя,
И — прежде смерти — убивать себя?

Зачем при жизни траур надевать?
Умрешь — тебя успеют обрыдать.

В душе твоей печаль; ты не страдай,
Свою печаль стократ не умножай!

Заботами свой век не сокращай,
Одну заботу в две не превращай,

Но от своей печали отдохни,
Усталость, скуку, горечь отгони!

Пускай судьбы гоненье велико,
Старайся пережить его легко.

Как ни громаден труд, но победит
Тот, кто на этот труд легко глядит.

Пусть Шам цветет, красуется Герат,
Когда они души не тяготят.

И стоит ли печалиться о них
Нам — странникам на сих путях земных?

Сад этой жизни верности лишен,
В нем лучший цвет на гибель обречен.

И если этот сад от бурь и гроз
Укрыть своих не может лучших роз,

Там не ищи успокоенья ты,
Где благовонья лишены цветы.

Что совершится, то навек уйдет.
Кто прошлое догонит? Кто вернет?

Что можешь ты о будущем сказать?
Как можешь ты судьбу предугадать?

Не властен управлять грядущим днем
Живущий во мгновении одном.

В мгновенье каждом, это помни ты,

Грядущее и прошлое слиты.

Что ты скорбишь над бездной бытия,
Когда одно мгновенье — жизнь твоя?

Ты милосерден, ты — родник любви,
Не мучься, милость сам себе яви.

Тебе одно мгновенье здесь дано, —
Так пусть же будет счастливым оно.

Твое дыханье — жемчуг дорогой,
Прозрачный жемчуг — друг надежный твой.

Ты в четках чередуй рубины дней
С жемчужинами радости своей.

Равняю жемчуг духа твоего
С жемчужиною солнца самого.

Сияет всем светило бытия:
Но в глубине — жемчужина твоя.

Восходит солнце, падает во тьму...
Но внемет мир дыханью твоему.

Способно солнце полдня все спалить,
А без дыханья мир не может жить.

В дыханье сущность жизни всей живой;
Так назови его «живой водой».

Дыханье, дух!.. От бездны до звезды
Источник вечный в нем живой воды.

Дыханье сил творящих, суть всего, —
В твоём живом дыханье дух его.

О дуновенье, что миры творит,
Сосуд из глины разумом дарит!

В дыхании Исы увидишь ты
Ступень к Познанию вечной красоты.

Живущее погружено во тьму,
Но духом вечным жизнь дана ему.

Вокруг тебя — без края и конца —
Как океан, струится дух творца.

Могучим будешь, коль познаешь ты,
Каким богатством обладаешь ты!

Все — от него: бессмертье бытия,
И каждый шаг, и вздох, и жизнь твоя.

А жизнь твоя — дыхания длина,
Но сотнями скорбей омрачена.

Ты унижаешь высший дар ее,
Виной тому — неведение твое.

Ничтожны мысли в голове твоей,
Ничтожен смысл пустых твоих речей.

Подумай о сокровище своем,
Не будь живой душе своей врагом!

Не унижай величия своего,
Но устыдись хоть бога самого.

Воспрянь из тьмы и праха, сын земли,
И назиданью мудрости внемли.

Тот, кто всему дыхание дает,
Тебя осыпал множеством щедрот.

Ты призван быть не зверем, не ростком,
Не камнем — а разумным существом.

Сознания чистый свет в тебе горит,
Путь правой веры пред тобой открыт.

Пять чувств тебе даны, чтоб осязать,
И видеть, и внимать, и обонять;

И руки, и запас телесных сил,
И ноги — чтобы прямо ты ходил.

Ты различаешь вкус различных блюд,
Но помни: милость вечного и тут.

Дары творца несметны... Пусть же вам
О них напомнит вкратце мой калам.

Так много у тебя одежд цветных,
Что ум не может перечислить их.

Твой конь, твой мул, твой верховой верблюд
Тебя в любую даль перенесут.

Твои сады полны живых щедрот,
В садах бегут потоки светлых вод.

В садах кумиры дивной красоты,
Как гурии небесной высоты.

До звезд айваны твоего дворца
Возносятся по милости творца.

Пусть счета нет богатству твоему,
Но знай — за все обязан ты ему.

Дороже всех богатств, тебе дана
Бесценная жемчужина одна:

И это — разум. Не сравняться с ним
Рубинам и алмазам дорогим.

В жемчужнице земного бытия
Заключена жемчужина твоя.

В ней — дар познания тайн и высоты,
Вот чем при жизни удостоен ты!

Аллах, когда свой перл тебе вручал,
Тебя короной щедрости венчал.

Благодари его за дар любой
И ведай: благодарным — дар двойной.

За хлеб насущный, за питье и снедь
Молитвой благодарности ответь.

И да не будет до скончанья дней
Предела благодарности твоей.

На сущность жизни взор свой устремим,
О духе бытия поговорим.

Вот чудо силы зиждущей, живой —

Твой каждый вдох и каждый выдох твой.

Вдох новой силой наполняет грудь,
А выдох — в нем существованья суть.

Тебе дана двойная благодать —
Всею грудью вольным воздухом дышать.

Дыханьем жив светильник бытия.
Благодари! Дыханье — жизнь твоя!

Дыханье, дух живой! — Его почтил
Творец всего, владыка вечных сил.

Ты помни с благодарностью о том,
Что почитаемо самим творцом!

Ведь мыслишь ясно, видишь, слышишь ты
И чувствуешь — покамест дышишь ты.

Сознанье да сопутствует ему —
Дыханию святому твоему.

Ты душу будь всегда отдать готов
Тому, кто твой защитник, друг и кров.

Страшись о верности забыть своей,
Нет сердцу испытанья тяжелей.

В рассеянье, в самозабвенье ты
Чем занят в этом вихре суеты?

В твоих делах аллаху пользы нет...
Смотри, чтоб не возникли грех и вред.

Пускай твои заботы и дела —
Впустую, но не делай людям зла!

Противоядие тебе претит,
Зачем же ядом кубок твой налит?

Счастлив, коль друга ты сумел найти,—
Ему вниманье сердца посвятить.

Но устрашись насилье совершить,
Страшись жестокость к людям проявить!

Уж лучше пир веселый в майхане,
Чем стон и слезы по твоей вине.

Не тронь ничью казну, ничью семью
И чти чужую честь, как честь свою.

Друзей и собеседников найди,
От гнета горя жизнь освободи.

Увидя чудо розы молодой,
В саду беседу избранных устрой.

С любезностью, с изысканностью всей,
Присущей мудрым, созови друзей.

Чтоб с их приходом, радостна, светла,
Как сад весенний, жизнь твоя цвела.

В лачуге ль темной, в роскоши ль палат —
Будь щедрым, беден ты или богат.

Ни серебра для истинных друзей
И ни души своей не пожалей.

Возрадуется пусть душа твоя,
Когда вокруг тебя твои друзья.

Здесь на разлуку все обречены.
Как меч кривой, сверкает серп луны.

Счастливец на земле любовь обрел,
Воздвиг беспечной радости престол;

Но, выкованный небом, меч кривой
Обрубит ветви радости живой.

Он неразрывных сердцем разлучит,
Как вихрь закрутит, в стороны умчит.

Таков в своих деяньях небосвод,
Таков его ужасный обиход.

О, если б от грозы его спаслись
Прекрасный ирис, стройный кипарис.

Как гости, все они в саду земном,
Как братья, все они в кругу своем.

О, если б сердце в мире повстречать,
Способное на дружбу отвечать!